

Владимир Буев

В иных
мирах
я тоже
как-то
шастал

Пародии на стихи
Михаила Гундарина

Часть I

18+

Владимир Був

В иных мирах я тоже как-то шастал. Пародии на стихи Михаила Гундарина. Часть I

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67867443

SelfPub; 2022

Аннотация

Один замечательный современный поэт однажды сказал: «Пародия – наивысшая награда автору при жизни», ибо «не позавидует никто». Награда нашла ещё одного своего героя. Целый сборник наград.

Содержание

Поэт и зеркало	7
От автора	13
Стихи и пародии/версификации/отклики	17
Швецов и жнецов с пьедесталов – долой!	17
Враги не оставят шанса	19
Забыли за собой убраться	21
Неужели я ослеп в эту ночь?	23
Скользко на улице с клавиатурой	25
Времена уж не те	26
Я дуло присуну себе к виску	28
Песнь во славу года	30
В дурке	32
В офисах жалкий планктон расплодился	34
Сколько в рюмке зрачков скопилось	35
Из мозга рвётся звук	36
Мы хотели построить себе гнездо	38
Я не стану сам в прорубь нырять	40
Наш ответ Чемберлену построже	42
Я вырву сердце из своей груди	43
Не болтай о пустом, немая дева	45
И летит мимо всё, что ни есть на земле	47
Мадригал	49
Мадригал-2	51

Осмысляю вечер пальцами на блюде	53
Вневременное	55
Как много было их, баллад	58
Так и рвётся сердце на простор	60
Месяц не важен	62
Жестокий романс	65
Добрый летний романс	67
В своей квартире	69
Астролог с поэтом лежат на погостах	71
Понтуешься при мне?	73
Зимний вечер, даже не февральский...	76
Троя, из которой родился Рим	78
Девятый класс – я сделан из кремня	81
С призраком говорю...	83
Ничего не курил, не пил с утра	85
Вот крутой пацан	87
То в кровать залегши, то сидя во дворе	88
Модерн погиб, изничтожен...	90
Уж если всё плывёт в глазах	92
Отчего не в сотню лет...	93
Я старый конь	94
Очнулся – глазам не поверил	96
То потухнет, то разожжётся	99
Сложно в Москве пробиться	101
Где сказка, там и быль	102
Былое и думы	104

Тили-тили	107
Я перед выходом во двор...	109
На пленэре	111
Посидеть на двух стульях не всякий рад	113
В иных мирах я тоже как-то шастал	115
Кушать хочется всегда	117
Появилось в истории много тех...	119
Петров в подвале задержался	121
Пустовалов, Полуэктов, Петров	123
Обнюхаю снег	125
То ль Мария, то ль не Мария	127
Из нового блокнота	129
Посчитали – прослезились	131
Представь, что ты в Китай забрёл	133
Немало Риманов коптили небо	135
Жизнь в сознании проносится...	137
Весна-лето	139
Зима. Крестьянин торжествует...	140
Медленный транспорт	142
Вторнику надо много	144
Божественный мотив из литер четырёх	146
Там же	148
Времена года	150
Тра-ля-ля. Проснусь. Увижу	153
Иоанновна Анна на Русь привела...	155
Карусель скрипуча?	158

Пропустил остановку? Проспал?	160
Наука молча принимает факт	162
Три сорта темноты познал я в жизни	164
Проникновение	166
Я гляжу в стакан	168
Столько всего я хотел!	171
Просто о сложном	174
Глухая провинция	179

Владимир Буев

В иных мирах я тоже как-то шастал. Пародии на стихи Михаила Гундарина. Часть I

Поэт и зеркало

В средневековых восточных государствах было принято при дворе просвещённого монарха иметь своего придворного поэта. Писали стихи для услады монархов Рудаки и Хагани, Фаррухи и Унсури, и многие менее известные поэты.

Не скажу, что Владимир Буев – личный пародист Михаила Гундарина, но стихам своего со студенческих лет друга он уделил особое внимание. И вот перед читателями первая часть трёхтомного совместного собрания этих двух авторов.

Поэту и пародисту положено быть людьми с разными вкусами и разным пониманием литературы. Гундарин стремится к гомерическим чувствам и космическим катаклизмам, с ними связанным:

Разорви картонный чехол эфира,
Расскажи о том, кто сейчас в отъезде
(Сердцевину правит чужого мира
Сквозь густой холодок созвездий).
Покажи нам правила без награды,
Золотые лилии вне закона,
На пороге тяжёлого перепада,
На ступеньке плацкартного, блин, вагона...

Понять, где происходит действие этого стихотворения, увы, просто невозможно: с одной стороны, это может быть космос, где «разорван картонный чехол эфира», а «сердцевину чужого мира» правит некто, «кто сейчас в отъезде». С другой стороны, лирический герой требует показать ему золотые лилии (видимо, на гербе французских королей), причём, сделать это нужно «на ступеньке плацкартного, блин, вагона».

Всё это производит впечатление, хотя кажется, что автор пытается придать планетарный масштаб известной ситуации, описанной в своё время поэтом Михаилом Львовским в одной-единственной фразе: «Вагончик тронется, перрон останется». Впрочем, писал же когда-то Маяковский, что гвоздь у него в сапоге кошмарней, чем фантазия у Гёте.

Владимир Буев же стремится перевести фантастику Гундарина в приземлённую картину обыденной реальности:

Не болтай о пустом, немая дева.
Раз ослепнув, не различай предметов.
Не дождёшься ты ни шального гнева.
Ни того, что люди зовут пиететом.
Шевеленьем губ меня не притянешь.
И морганьем в сердце не вкинешь зноя.
Я тебя провожу до вагона. Сядешь
Ты не в люкс, не в плацкарт, а поедешь стоя...

Нет ни чехла эфира, ни сердцевины чужого мира: лирический герой Буева провожает на поезд немую и, судя по всему, слабовидящую деву. Бедняжка не различает предметов и тщетно пытается соблазнить героя шевеленьем губ и морганьем, но тот непреклонен. Он запикивает свою спутницу даже не в плацкартный, а в общий вагон. Вот до чего доводит людей привнесённый в обычную жизнь космический хаос.

Надо сказать, что подобная ситуация в дуэте поэта и пародиста встречается регулярно, и на взвешенные фантазии Михаила Гундарина следует скептический приземлённый ответ Владимира Буева. Но есть и другие варианты. Они появляются, когда поэт уходит от постмодернистского хаоса к классическому упорядочению. А пародист, на самом деле, очень зависим от поэта, которого пародирует, и в случае Гундарина/Буева это прекрасно видно:

Ты устала, я тоже устал,

Новый день не несёт исцеленья.
Помутился июльский кристалл,
Жизнь крошится, как будто печенье.

Не стряхнуть эти крошки в ладонь,
Не скормить их на улицах птицам.
Что ещё? Угасает огонь,
Перевёрнута наша страница.

Посвежей-то метафоры нет?
Ничего уже нет, дорогая!
Только августовский полусвет,
Но и он догорит, полагаю.

Михаил Гундарин, внезапно перейдя к классическому стилю, написал стихи, которые не надо тщательно разгадывать и с трудом понимать хитросплетения сложных метафор. Оказалось, что говорить о простых человеческих чувствах можно просто и лирично, вызывая у читателя успокоение и симпатию.

Тема стихотворения привычна для любого поэта: лирический герой расстаётся с дамой сердца (помните, у Пушкина: «Я вас любил...»).

Герой принимает правила игры без всякой награды, которую автор упоминает в предыдущих стихах, а сам автор смотрит на ситуацию своих героев с лёгкой и доброй ирони-

ей.

И это настроение отозвалось в пародии:

Месяц август, и лету – конец
Я предчувствовать осень умею.
Вот метафоры свежесть – резец
Раскромсал нашу жизнь на затеи.

Взоры птиц обратились на юг.
Их куском пустоты не приманишь.
Без печенок теперь – как без рук.
Только сердце пернатым поранишь.

Прорицаю, что лету – труба!
Перевёрнута наша страница.
Не сорвётся в затеях резьба –
Сотни раз мне ещё пригодится!

У Владимира Буюва на этот раз нет гротеска и тем более сарказма. Есть добродушная усмешка и не более того.

Сотрудничество с пародистом – вещь для поэта непростая, хотя в чём-то вполне естественная, как свет и тень, реверс и аверс, инь и янь. И Михаил Гундарин, судя по количеству совместных публикаций, согласен с тем, что взгляд Владимира Буюва на его стихи вполне приемлем. Поэт получил своё в меру кривое зеркало. Как к этому отнесётся чи-

татель, держащий в руках эту книгу?

Владимир Володин, журналист, литератор

От автора

Самые свои первые пародии/версификации/отклики я начал писать на стихи Миши Гундарина и Ани Шевченко (в обратной последовательности).

Случилось это спонтанно на рубеже 2020-2021 годов. За неделю-полторы до начала Нового года мы с женой приехали на дачу. Я развёл в камине огонь, лёг перед ним на диван, начал читать стихи (не помню, как они мне в руки попали, возможно, Миша прислал ссылку) и... Потом все дни вплоть до ночи с 31 декабря на 1 января так пародии рекой и лились.

Со временем появилось, конечно, много других поэтов, которых я стал пародировать, но вначале было именно слово Миши и Ани. К слову же: в тот период в творческом смысле они как раз ходили парой («мы с Тamarой ходим парой») – в соавторстве написали множество статей в жанре литературно-художественной критики.

Стихи Миши Гундарина в связке с моими пародиями, публикуемые в настоящем сборнике, ранее в большинстве своём белый свет уже видели (правда, нет уверенности, что они снискали себе всемирную славу или что хотя бы привлекли к себе внимание какой-то группы читателей – ну, разве что Мишиных друзей, фанатов и просто поклонников): публиковались в еженедельниках «Литературная Россия» и «Истоки», литературных журналах «Вторник», «ЛитерRРа

Nova» и «Камертон», в альманахах «Vita» и «Ликбез». Да и вообще где только ни публиковались (хотя, пожалуй, кроме перечисленных изданий больше и нигде, но надежда есть – коль вошёл в эту реку или ступил в кучу, зачем её, надежду, оставлять? она же – «компас земной, а удача – награда за смелость»).

Миша Гундарин – мой однокурсник и даже одноклассник по факультету журналистики МГУ (к слову: когда я в 1988 году вернулся на «гражданку» после срочной службы в Советской армии, то именно тогда и попал в одну с ним группу; те же, с кем я начинал учиться, выпустились парой лет раньше).

Человек Миша – жизнью битый, калач тёртый, а потому не просто умный, но весьма и весьма мудрый. К любой иронии, сатире, стёбу, «подколкам», конструктивной (и неконструктивной) критике относится философски (то есть сверху вниз с высоты своих лет) и с доброй профессорской усмешкой, включая такой же взгляд поверх модных очков с толстыми линзами. Ведь не зря же он вдобавок ко всему ещё и дипломированный философ (целый кандидат философских наук)! Ну, и преподаватель высшей категории качества: читает лекции студентам (уверен, что и аспирантам) по маркетингу и рекламе в одном из лучших вузов России и мира – природный ум и профессия обязывают к мудрости.

Так сказать, ум, честь и совесть нашей эпохи. Что-то вдруг вспомнилось.

Потому у нас с Мишей никогда не было проблем ни по части личного общения, ни по части юмора/стёба несмотря на, казалось бы, полную противоположность наших взглядов. Не всякий поэт в жизни философ плюс «морально и стрессоустойчив».

Вот, к примеру, есть такой великий (или «великий») поэт Игорь Караулов, с которым я даже не успел познакомиться и который на мой вопрос, заданный пару лет назад в мессенджере, можно ли показать ему пародию на один из его стихов, просто взял и мою персону в Фейсбуке¹ заблокировал – вот уж больное самолюбие так больное! Кстати, такой пассаж случился в моей «пародической» жизни в первый и (пока) в последний раз. Никто из поэтов больше так себя не вёл – все мудрые. Или мудрят, что мудрые.

Вот какой замечательный поэт и человек мой друг Миша, прошу любить и жаловать!

Как-то прочитал у другого замечательного поэта и гражданина Виталия Пуханова, что «пародия – наивысшая награда автору при жизни», ибо «не позавидует никто».

Вот награда и нашла своего героя.

Целый сборник наград (в трёх частях).

Какого героя, спрашиваете?

Мишу Гундарина, конечно.

Почему-то вспомнился Твардовский с его Василием Тёркиным:

¹ Нынче социальная сеть признана в России экстремистской.

Нет, ребята, я не гордый.
Не загадывая вдаль,
Так скажу: зачем мне орден?
Я согласен на медаль.

Владимир Буев

Стихи и пародии/ версификации/отклики

Швецов и жнецов с пьедесталов – долой!

Михаил Гундарин

Прочим – композитор, дуде – игрец,
обрати вниманье на город! Он
чужой судьбой распалён вконец,
а своею собственной занесён,
декабрьским снегом.

Следов объём
заполняет воздух, бездомный, как
беломоро-балтийский. Грустишь о нём,
и не делаешь новый шаг.

С высоты заминку не разгадать.
а всего-то дела: прищурить глаз,
разглядеть, как будто слепую печать,
уходящий город, идущих нас.

Владимир Буев

Швещов и жнецов с пьедесталов – долой!
Иные нам грады потребны!
Судьбы мирские мы мажем смолой,
Свои и чужие. Плюй на молебны
декабрьской слюной.
Подошва размером
больших сапогов: кирза – словно
хрусталь башмачковый. И как литосфера,
со всех сторон обласканная любовно.
Не стоит рваться в высокие дали,
как делали это Икар и Дедал,
а лучше всего мы все бы взяли
да сляпали сами себе пьедестал.

Враги не оставят шанса

Михаил Гундарин

Закрыли от нас комету
полночные облака.
А дальше – пора рассвету,
и снова ты далека.
Лежи, где тебе сказали –
на дне далёкой грозы,
увиденная глазами
полуночной стрекозы.
Покуда не время миру
окутываться огнём,
небесному командиру
ломиться в земной проём...

Владимир Буев

Враги не оставят шанса
на небо ночное взглянуть.
Из медитативного транса
Сподвигнут опять драпануть.
Приляг, стрекоза, есть пределы!
Сказали – так, значит, лежи.

Коль летом ты песен не пела,
так лютой зимой не пляши!
Так нет же – метнуться в небо
и с боем на землю упасть
Тебе, стрекоза, потребно!
Ты хочешь кометой стать?

Забыли за собой убраться

Михаил Гундарин

Вот мы уехали, а облако осталось
растить себя на вертикальном фоне,
изображать то горб, то шестипалость,
являться птеродактилем в короне.
Показывая то, чего не знает,
жемчужное, оно сочится белым.
Тяжелая перина опадает,
клочки её летят во все пределы.
И быстро тают в изумрудной бездне,
пестрящей кружевными лоскутами.
Во много раз пустынней, бесполезней –
прекрасней мира, созданного нами...

Владимир Буев

Мы, убираясь сами прочь, убраться
Забыли за собой. Повсюду мусор.
Когда грядёт надзор, то постараться
Туристу лучше поиграть роль труса.
Надзоры, сторожащие природу,
всех могут штрафануть, не замечая

ни шестипалых, ни других уродов,
и скидок инвалидам не давая.

А коль красотка-дева попадётся,
А не беззубый птеродактиль старый,
Периной для несчастной обернётся
Поимка. Несогласной – нары.

Ключки по закоулкам и по лужам,
Жемчужины изъяты с изумрудом.
Два мира (что в душе и что снаружи) –
Как два соединённые сосуда.

Неужели я ослеп в эту ночь?

Михаил Гундарин

Я хотел бы эту ночь разглядить,
разглядеть её, зарифмовать.
Звёзды нарисованы в тетради –
я под вечер сжёл свою тетрадь.
И теперь почти неразличимым
в метрополитене тростника
простаком, подростком, анонимом
ночь переживу наверняка,
чтобы с наступлением рассвета
выскользнуть по тонкому лучу
за пределы старого запрета...
А про новый думать не хочу.

Владимир Буев

Неужели я ослеп в эту ночь?
Всё гляжу вокруг – не видно ни зги
Кто сумеет мне сегодня помочь?
Окулист? Но и ему не с руки!
Тут потребен раскалённый утюг,
виртуальный рифмовальный прибор,

чтобы выжечь в той тетради продукт:
звёзд небесных самый полный набор.
Я не видим из далёкой звезды
И с луны-то различим не вполне.
Где бы ночью отыскать мне бразды,
Чтобы дёрнуть их – и утро в окне!
Я схвачусь за луч и ввысь полечу!
Я смогу и солнце с неба достать.
Птицу счастья я за хвост ухвачу.
Моя старая сгорела тетрадь!

Скользко на улице с клавиатурой

Михаил Гундарин

Полдень декабрьский скользит и падает,
и застывает на миг в полёте –
кажется, в позе крылатой статуи.

Но в темноте её не найдёте.

Свет неисправный разъят по болтику –
пусть его чинит кому есть дело.

Но не механику, и не оптику –
корпус пустой, ледяное тело.

Владимир Буев

Скользко на улице с клавиатурой,
тянет поплакать в декабрьский месяц.

Скоро февраль, и опять без цензуры
и без чернил нам летать в Поднебесье.

Бюст раскололся, упав. Приговором
Стал ему в сторону шаг с подставки.

Зря он соскакивал с твёрдой опоры
в жажде полёта. Теперь под лавкой.

Времена уж не те

Михаил Гундарин

Три поэмы выходят в один тираж.
Но не время рассчитывать на успех -
добродушный читатель, мучитель наш
делит праздничный свой пирожок на всех,
оставляя кусочек на чёрный день,
одевая оставшимся невпопад...
Но довольно того, что ему не лень
под бумажным дождём принимать парад.
Мы и сами закуска, фисташки-dry,
(для надёжности можно добавить бром).
Между этими судьбами выбирай,
допиши до конца и взмахни платком.
До свидания, волны текучих лун,
коридоры, сверлящие небеса!
Как ни строй календарь, каждый раз канун
обгоняет начало на полчаса.

Владимир Буев

Времена уж не те: на поэтов троих
Сохранился читатель всего один,

да и тот не читает поэм чужих,
если выложить надо за них алтын.
Или классику стырит читатель наш,
побродив по просторам глобальной сети.
А уж если войдёт он в священный раж,
то и сам кропает поэм ассорти.
Да, читатель пошёл совершенно не тот!
Не читает и денег не хочет платить.
А как в клубе гулять – там он мот и не жмот.
Там читатель умеет деньгами сорить.
Вот пиши для таких и старайся зазря.
Не дождёшься спасибо, не то что денег.
Но уверен поэт (пусть скорбя втихаря),
что поэмы чрез годы пойдут нарасхват.

Я дуло присуну себе к виску

Михаил Гундарин

Одиночество пеленает виски,
Развязывает шнурки,
Говорит, что нужно доплыть до конца реки.
Говорит, что свобода – лежать во рву,
Отсюда видно Сибирь, Москву,
Но не вздумай, покуда не позову.
Отвечает, что да, будет звезда,
Но она – обман, и ещё беда:
Дрянь её провода.
Значит, теперь навсегда.
Отвечаю: мы ещё раскинемся, как луга,
Дождёмся, пока растают снега,
Ведь должны же быть у той реки берега!
Лишь бы моё, твоё не забыло себя,
Встречу всех торопя,
Как в детстве, скатерть из-под стола теребя...

Владимир Буев

Я дуло присуну себе к виску
Забыв завязать шнурки,

Но спуска я нынче не дам курку –
Не время валяться во рву.
Уж лучше в Сибирь в кандалах из Москвы
Шагать босым наяву,
Чем сгинуть, упав в сухую ботву,
И звёздной не зрить синевы.
Не может погибнуть моя душа –
она широка, как страна.
Я дуло опять не спеша к виску
Приставлю чрез «не могу».
Никак не обман, не лукавство то:
Не пуст магазин, ведь в нём
Живёт не один холостой патрон.
А глаз мой косит на шнурки,
Не гордый пацан: склонюсь – завяжу,
ведь руки мои ловки.
Я их прямо щас на себя наложу.
И миру о том возведу.
Я жму на курок, сделав выбор свой,
Ведь магазин... пустой.

Песнь во славу года

Михаил Гундарин

НОЯБРЬСКАЯ ПЕСНЯ

Белым золотом ноябрьской тоски,
Белой скатертью на пиру воровском,
Дни мои режутся на куски
Раздаются всякому кусок за куском.
Некому пожалеть меня, расстелить игру –
Клетчатый мир поверх дешёвых ковров.
Распахивается, подставляется маляру
Чёрно-белый свет, но больше нет маляров.
Пойти покрутить крышечку – покрути-покрути,
Ничего не выкрутишь: бутылка пуста.
Пойти поглядеть в дырочку – погляди-погляди
Никого не выглядишь:
– чужие места.

Владимир Буев

ПЕСНЬ ВО СЛАВУ ГОДА

Последует декабрь за ноябрём.
Скатёркой белою покроется земля.
Январь шагает вслед за декабрём.

Февраль потом. И вот уже весна!
Вот март с апрелем, а потом и май!
Июнь с июлем улетели вон.
О лето! Русский август – он не рай!
Почти осенний месяц – лета склон.
Сентябрь, октябрь – и завершился круг.
И снова на дворе ноябрь стоит –
Причина горьких задушевных мук.
И снова обнажённый нерв торчит.
Летят недели, рвутся в клочья дни.
Лишь у меня такое в жизни есть.
Душа трепещет и от беготни,
И от метаний. Может надоесть
И небо в решето, и в клетку мир.
Дизайнер нужен на один денёк,
Но не пьянчужка и не дезертир.
И чтобы дырок лишних не нажёт.
Щека прижалась к меху бурдюка,
Чтоб успокоить нерв наверняка.
Но там – лишь пустота и темнота...

В дурке

Михаил Гундарин

ДЕЖУРСТВО

как мясной недовешенный вес
распростёрт на базарном прилавке,
кто лежит опрокинутый весь
и ни палки ему, ни подставки?
«вы-то, старшие, знаете как
раздвигать черепную коробку
разрушая тифозный барак
амнистируя божью коровку.
не мечтая всерьёз умереть
я приму и такую свободу.
урезайте на четверть и треть
не забудьте подчистить с исподу»
нам-то что? напряглись как канат
коридоры районной больницы
и сегодня не перелетят
через ночь даже белые птицы

Владимир Буев

В ДУРКЕ

Ни богу свечка и ни чёрту кочерга:
не бедный плотник и не кочегар,
но запросто разденет донага –
он профессиональный санитар.
Как руки заломить, как спеленать –
обучен добрый мблodeц пахать:
он в курсе, чью коровку обласкать,
а чью коробку черепа сломать.
Раздвинута коробка (божья) – то,
что стало расширением свобод.
в палате иль в бараках – всё равно.
Когда сдыхает ночь, грядёт восход.
В халате белом санитару спать,
глаз... не смыкая с ночи до утра.
Чтоб выжить, так придётся пострадать
и санитару, пациентов матеря...

В офисах жалкий планктон расплодился

Михаил Гундарин

наночастицы компьютерной сажи,
въевшиеся в лицо –
вот что о нас обо всех расскажет,
если в конце концов
в новом столетье решим присниться,
выпрыгнуть из ларца,
продемонстрировав кровь на лицах
демонам без лица

Владимир Буев

В офисах жалкий планктон расплодился.
Слоем мертвецким покрыл
всё поколение, кто нынче родился –
всех он, подлец, задавил.
Все поныряли в свой комп персональный.
Через столетия вдруг
Выскочит если чудак маргинальный,
станет понятным недуг.

Сколько в рюмке зрачков скопилось

Михаил Гундарин

Сколько зелени! Роща к роще.
Вот забава для чудака,
что сегодня весь день полощет
в изумрудном рюмку зрачка.
Получилось напиться пьяным?
Веселись, дурака валяй
на краю цветущей поляны,
солнце летнее замедляй.

Владимир Буев

Сколько в рюмке зрачков скопилось –
уничтожить следы пора!
Эта зелень мне ночью снилась.
Наяву ж реальность остра!
Боже! Рюмок вокруг десятки!
Сколько в них опасных улик –
Очи женщин и девок сладких
...Все они зазевались на миг.

Из мозга рвётся звук

Михаил Гундарин

когда движняк минут
расчистит все углы
пускай тебе споют
подземные битлы
не выучив Michelle
не поступить в МИ-6
а если есть мишень
то и пощада есть
(в черешневом саду
ритмическом аду
по каменному льду
я линию веду)

Владимир Буев

Из мозга рвётся звук.
О память! Я смешон!
Воспоминаний стук –
Как дивный давний сон.
– Michelle? Ну, что за бред? –
вдруг спросит молодняк.

Не получив ответ,
Оценит: «Вот дурак!»
Я стар, но не шпион.
И вовсе не агент.
Уликой уличён,
Но адом я прощён.
В черешневом саду
я в лёд, в огонь – прыг-скок!
И камнем приложу
предателя в висок...

Мы хотели построить себе гнездо

Михаил Гундарин

Мы разрушили мир, чтобы вышел дом,
но не вышло, как водится, ни гроша.
Вот и ночь прогремела пустым ведром,
мимо зарослей спящего камыша.
Завтра День Урожая. Пора в амбар
корешкам и вершкам довоенных снов.
Под испорченным душем смывай загар,
ожидай наступления холодов.
По любому выходит, что нет судьбы,
в этих улицах тёмных, но вот рассвет –
заправляет хозяйством и бреет лбы,
а не скажет ни слова тебе в ответ.
Да и ты позабудешь задать вопрос,
наблюдая, как делает первый взмах
наша полночь, летящая под откос
не сумев задержаться ни в чьих зрачках.

Владимир Буев

Мы хотели построить себе гнездо,
Но не выдержал ствол – и дерево в прах.

Надо строить из камня дома, не из снов.
Лишь на первых подходит камыш порох.
Год пустой, и амбар ровно так же пуст.
Просыпаться пора, и еду искать.
Ближе к полночи слышится снега хруст.
Поскорее проснуться – нельзя замерзнуть!
Надо счастье себе самому сковать.
До рассвета добраться, суметь дожить.
Даровать утро может чужую кровать
и любые откосы на год отложить.
Вот покушал – и радость опять в зрачках.
Где покормят, то там и Родина-мать.
А затем надо ноги делать и взмах,
И по новой искать чужую кровать.

Я не стану сам в прорубь нырять

Михаил Гундарин

Где комета хвостом не разбила льда,
побоявшись распробовать глубину,
там и я буду медлить и ждать, когда
торопливое сердце пойдёт ко дну.
Не оценишь, пока не начнёшь тонуть,
деловитую хрупкость ночных витрин –
открывая обзор, преграждают путь
торопящимся таять, как аспирин.
Расторопной шипучкой упасть на дно,
в тёмный трюм просочиться косым лучом –
одинаково хлопотно (всё равно,
что поддерживать тонущий мир плечом).
Полюбовный напиток семи страстей
разрывает на части чугунный шар.
Замолчи и высчитывай, грамотей,
по сомнительным числам чужой навар.

Владимир Буев

Я не стану сам в прорубь нырять никогда.
Ни сейчас, ни потом. Ни в грядущем моём.

Я дождусь, когда сердце чужое туда
Ниспадёт расколовшимся кораблём.
Впрочем, проруби нет – не прорублен проём
ни сейчас, ни потом, ни в грядущем моём.
Лучше лета дождусь и найду водоём.
И вдвоём кое с кем время там проведём.
А захочет тонуть, я скажу ей: «Вперёд!
Не одна ты такая, кто любит меня.
Порождает таких ежегодно народ.
Видно, в детстве ты не получала ремня!
Вот комар – значит, точно не зимний денёк.
Вот орёл – этот может и в зиму парить.
Этот хищник безжалостен: печень извлёк
из титана. Отпетый бандит! Паразит!
Мы в воде не утонем, в огне не умрём!
Прометей нам порукою станет двоим.
Ну, а если одним пожелаешь жить днём,
что подделаешь: путь этот не поправим!
Не тяни уже, в воду ныряй поскорей!
Разбивала витрины? Не хочешь в тюрьму?
Не нуди, я устал от порочных страстей
Преступленье твоё на себя не возьму!
Отдавай мне сейчас же навар и рубли.
Ты не мир и не смей на плечо припадать.
Кассу с боем брала? Так теперь не скули!
И умри! Только я не могу пострадать!..»

Наш ответ Чемберлену построже

Михаил Гундарин

Наш ответ человеку без кожи –
Перемены в постельном режиме.
Краткий путь подступающей дрожи
Обозначен стежками косыми.
И пускай он рискует, как прежде,
Демонстрировать смерть и свободу –
Мы изменим диету в надежде,
Что смиренность верней пищеводу.

Владимир Буев

Наш ответ Чемберлену построже,
Чем ответ человеку без кожи.
Если первый получит по роже,
То второму таблетку предложим.
У пургена простое задание:
В пищевод залететь побыстрее.
Облегчится желудка страданье –
Он расслабится пусть диареей.

Я вырву сердце из своей груди

Михаил Гундарин

Лету – летнее, осени – всё подряд.
Что споёт августовский простой песок
мы узнаем, когда повернём назад.
А покуда, от солнца наискосок,
здравствуй, книга такого большого дня,
где зелёный да жёлтый поверх всего!
Где отважный купальщик смешит меня,
а тебя вдохновляет задор его.
Вместо имени – пляжная дребедень.
Вот комар опускается, как орёл,
но находит не печень, а только тень,
от огня, что и так далеко увёл,
но не в сторону сердца, а взад-вперёд,
за гантелями для тренировки рук,
за рублём на покупку шипучих вод,
открывая которые слышишь звук.

Владимир Буев

Я вырву сердце из своей груди.
Не надо опасаться – то театр.

Актёры люди. Это подтвердить
Петроний и Шекспир ко мне спешат.
Назад я больше, правда, не пойду.
Мне надоели зелень с желтизной.
Я ринусь напрямую в белизну,
а все – за мной. К форели заливной.
Я освещу собой дорогу, поведу
Себя к первоянварскому столу.
Где пробки из шампанского во льду –
Орлами ввысь. Где можно съесть еду.
Туда, где комаров противных нет.
Где пляжам с полуголыми – пока!
Круги возвратны. Зимних тень побед
к первоапрельской шутке уж близка.

Не болтай о пустом, немая дева

Михаил Гундарин

Разорви картонный чехол эфира,
Расскажи о том, кто сейчас в отъезде
(Сердцевину правит чужого мира
Сквозь густой холодок созвездий).
Покажи нам правила без награды,
Золотые лилии вне закона,
На пороге тяжёлого перепада,
На ступеньке плацкартного, блин, вагона.
(Это зряшный шум припоздавшей речи,
Голоса, летящие с остановкой
В заповедной точке живой картечи –
Просто клятвы любви неловкой).

Владимир Буев

Не болтай о пустом, немая дева.
Раз ослепнув, не различай предметов.
Не дождёшься ты ни шального гнева.
Ни того, что люди зовут пиететом.
Шевеленьем губ меня не притянешь.
И морганьем в сердце не вкинешь зноя.

Я тебя провожу до вагона. Сядешь
Ты не в люкс, не в плацкарт, а поедешь стоя.
Всё пустое: речь из гортани рвётся
и глаза взглядеться в меня стремятся.
Я не лекарь, тебе же, краса, неймётся.
И не смей больше на́ руку мне опираться!

И летит мимо всё, что ни есть на земле

Михаил Гундарин

Только ты и свобода твоей беды.
Сколько вынута ключиков из глазниц!
Мы опять на пороге Большой Воды.
Море носит бутылки и мёртвых птиц.
Море ищет пожатья твоей руки,
пропуская сквозь пальцы мои слова.
Нарисуем линии, уголки –
вот и вышла повинная голова.
Вот и вышла свобода лететь навзрыд,
обращая всё встречное ни во что.
Время рухнуло в море, но мир стоит,
и на вешалке виснет ничьё пальто.
Это молодость, впрочем, а не звезда,
это тема, но будет ещё темней.
Где выходит на берег твоя беда,
там и будет кому позабыть о ней.

Владимир Буев

И летит мимо всё, что ни есть на земле.

Пусть не Гоголь, но вижу кругом беду.
Не подумай, что дядька навеселе.
Просто в первый я раз перед морем стою.
То гагара застонет, то чванный гордец.
Буревестник – ботинком в него я швырну,
чтоб не гадил он сверху (каков наглец!),
ведь Воде я Большой сейчас руку пожму.
Что за ересь: свобода летит к тебе,
и морская рука у тебя в руках!
Рисование ноликов на песке –
то, что замков строительство в небесах.
Мы устанем друг друга любовью шпынять,
обвинив себя сами, зайдя далеко.
Всё забудь. Мне пора. Завтра рано вставать.
...Заберу я с собою чужое пальто.

Мадригал

Михаил Гундарин

РОМАНС

Мы виделись – давно. Блистающая даль
Ударит по глазам, но слёзы не прольются.
А может, всё не так – ведь за окном февраль.
Сметая со стола, зима разбила блюдце.

Осколок ледяной, пронзающий зрачок,
Напомнит о твоей забаве и привычке –
Сосульки обрывать, потом, собрав пучок,
Ломать их по одной, как я ломаю спички.

Не этим ли огнём зажжён весенний свет,
Которым ты и я по-разному довольны:
Ты – не сказала «да», я – не услышал «нет».
Мы виделись давно... И никому не больно!

Владимир Буев

МАДРИГАЛ²

² Небольшое стихотворение, обычно любовного содержания, посвящённое даме и восхваляющее её.

Совсем не говорить теперь ни да, ни нет.
Одежд не надевать ни в белый цвет, ни в чёрный.
Побед не будет – да! Но и под старость лет
Беда не поспешит ко мне дорогой торной.

Зима ли блюдца бьёт, иль за окном февраль,
Осколок ли из льда пылает и струится,
Я слёз не стану лить: теперь моя мораль –
Котлетку дожевать и ей не подавиться.

Уходишь – уходи, не стану я, пардон,
Ни за руки хватать, ни в поцелуи рваться.
Я возрастной мужик, уже не охламон.
И ты стара, не след нам вместе тусоваться.

Мадригал-2

Михаил Гундарин

РОМАНС

В той области неба, где мы обитали с тобой,
где ось покосилась и диск процарапал мембрану,
системные сбои давал гороскоп заводной,
и всё, что случалось, случалось впотьмах или спьяну.

Века за веками, холодное тленье зеркал,
любовь и разлука вращают тяжёлое блюдо...
И ты захотела, чтоб день настоящий настал,
а я захотел, протрезвев, наконец-то очнуться.

Как зёрнышки кармы хрустят на чужих жерновах!
Как жалок рассвет завалящего здешнего мира,
пригодного, чтобы проснуться в горючих слезах,
и вспомнить те ночи, тот спирт золотого эфира!..

Владимир Буев

МАДРИГАЛ-2

Была ты страшильдой, но вдруг неземной красотой
Твоё озарилось лицо... в приближении ночи.

Не вспомню: так было со мной или это впервой?
Иль мир красоты к алкоголю всегда приурочен?

Как тяпну водяры, так в полночь нахлынет любовь
И хочется в небо, чтоб к диску луны прикоснуться.
Но в зеркало гляну – и стынет в артериях кровь:
И сразу на землю стремительно жажду вернуться.

Ночами посулов раздаришь, забыв про рассвет.
С утра обещанье жениться признаешь ничтожным.
Наладить бы карму и выправить менталитет,
Чтоб стало не только по пьяни влюбляться возможным.

Осмысляю вечер пальцами на блюде

Михаил Гундарин

Незначительное, розовое,
Как желе на мелком блюде.
До конца тебя использовал,
Лишь потом сумел проснуться.

Не моею смертью слепленный
Обескровленный куличик,
С этим миром крепко сцепленный,
Взятый в тысячу кавычек.

Значит, зря весь вечер думал я,
Что тоска моя напрасна,
Что тяжёлое, угрюмое
Пламя всё-таки погасло.

Владимир Буев

Я постфактум вечер неосмысленный
Осмысляю пальцами на блюде.
То мои фантазии бесчисленны,

То воображенье крайне куце.

Духи, объявитесь! Блюдец мелкое
То ли в мистику меня вогнало,
То ли сплю пред грязными тарелками,
В коих раньше пища бытовала.

Как же всё прекрасно прежним вечером
С куличом и свечкой начиналось.
Не сумел сыграть я роль диспетчера.
Даже смерть, уйдя, не попрощалась.

Вневременное

Михаил Гундарин

НОЯБРЬ

Довольно летних снов, конец октябрьской лени!

Я подошёл к окну и выглянул в окно –

Сгустились облака и удлинились тени,

Сегодня выпал снег, но в комнатах темно.

А улицы полны ликующего сброда

Снежинок молодых, насаженных на нить.

Как неумелый стих, как детская свобода

Они – писал А.С. – предполагают жить,

А глядь, как раз помрут. Нам тоже, дорогая,

Невесело с тобой на пике ноября,

Куда в конце концов, печально догорая,

Добрёл наш дивный свет, стихами говоря.

А кстати-ка: тащи разрозненные тОмы!

Отправим, наконец, поэзию в полёт!

Лирической тоски, эпической истомы

Бесснежная земля нетерпеливо ждёт.

Пусть станет ей теплей под этим одеялом,

Пусть прорастёт к весне ритмическая вязь,

Сама себя легко рифмуя с идеалом,

Цветами и травой, и ветром становясь!

Владимир Буев

ВНЕВРЕМЕННОЕ

Гляжу в окно сейчас, и что-то напрягает.
Ведь вроде лепота: и снег вокруг витает,
И вязнут облака, и вытянулись тени...
Так что меня гнетёт? А может, из-за лени?
Но нет! Я не ленив! Я по прогулкам шляюсь.
В кровати на боку не целый день валяюсь.
...Курьер принёс письмо с загадкой-маркировкой.
Ах, вот что напрягло – подписано шифровкой!
И кто такая А.? Алёна или Анна?
А вместе с буквой С. и вовсе стало странно.
И пишет так чудно: мол, кто мечтает вечно
Снежинкою прожить, тот и помрёт овечкой.
Не может же мужик мне засылать записки!
Девица то была с последней бурной вписки!
Но там не только А. вокруг меня крутились.
Со мною Бэ и Мэ как с торбою носились.
Ну, как теперь понять, разгадку дать загадке?
Мне все они близки. Мне все девицы сладки.
Тогда я сплоховал, залез в библиотеку.
И с наглой мордой там изобразил калеку.
И снова сплоховал: с одним томОм укрылся,
В хранилище меж тем под тОмами роился

Девичий улей. Мне пришлось спастись бегством.
С тех пор ищу, ищу девичьего соседства.
Но стороной меня обходят дорогуши.
Открою рот при встрече – затыкают уши.
И вот те на! А.С.! Возьму под одеяло.
Раз нет других, А.С. мне станет идеалом.
В соавторство впадём, в поэзии купаясь –
Так пишутся стихи, сквозь чаши продираясь.

Как много было их, баллад

Михаил Гундарин

ВОСЬМАЯ БАЛЛАДА

Любовь не рискует сажать самолёт
Туманному сердцу под кожу.
В печальную трубку вмерзает «аллë!» –
Ты понят и прожит.
Сворачивай трубкой свои чертежи,
Кривые, как листья герани.
Хронометрам сдохшим пример покажи,
Давай, до свиданья!
Но вот чем утешься, ботаник-простак:
В сумятице бывшего сада
Терновый венец не покинет куста,
Сочувствие – взгляда.
Везунчик-очкарик, в такой простоте
И вновь оказаться на воле!
Что делать с пространством? Конечно, лететь!
Отсюда – на полюс.
Ты снова ребёнок, пустынный-Амур,
Укройся в темнейшей из комнат,
Где сила твоя не нужна никому,
Что значит – огромна.

Владимир Буев

КАК МНОГО ИХ БЫЛО, БАЛЛАД

Когда телефон зазвонит и тобой
Легко и с лихвой подотрутся,
Прозрею: у девушки новый плейбой.
Но сердце с душою сожмутся.
В ответ прощаюсь я: «Счастья тебе!
Не очень-то мне и хотелось!»
Однако увидеть её на столбе
Желание вдруг разгорелось.
Теперь утешает фантазий набор.
В мечтах искупаюсь пространных:
В мозгах воцарится безумный хардкор,
Но с тонкой игрой филигранной.
Вот чёрную кошку ловлю в темноте.
Не кошку – изменницу-деву.
Я сильный, и деве не хватит ногтей
Отбиться – мой выдержит невод.
Понятно? Я вовсе не бóтан в очках
(Очки в темноте не сверкают),
А мощный мужчина, пусть даже в годах.
Сейчас я тебя воспитаю!

Так и рвётся сердце на простор

Михаил Гундарин

ДЕКАБРЬСКАЯ ПЕСНЯ

Усидишь ли дома по ночам
там, где телевизор у виска,
если солнца неживой кочан
засолила на зиму тоска?
Выйдешь в поле – тёмные торчат
сухостоем в ледяных полях
черенки невидимых лопат.
Сделай шаг – напорешься впотьмах.
Тут и город, мёртвый огород,
заливает каменный бензин
равнодушной тьме за отворот.
Заходи в закрытый магазин,
забирай что хочешь – всё равно
здесь лишь ломкий иней на губах,
а внутри дешёвое вино
и к подошвам липнет тёплый страх

Владимир Буев

ПЕСЕНКА-КУДЕСЕНКА

Так и рвётся сердце на простор:
Дома телевизор шелестит –
Не убавить звука. Форс-мажор
Даже умной голове вредит.
Улица не лучше. В темноте
Там спуют шныри туда-сюда.
Отвлечёшься – в полной наготе
Сир и бос останешься тогда.
Будешь рад, что сам остался жив.
И что в грудь не всажен черенок.
И лопата что как креатив
В голову не сделала бросок.
Тут и сам полезешь в криминал.
Винный магазин мне подмигнул
Я его ограбил. Сериал!
Как кино вокруг... Тут я струхнул.
Это же реальность, не кино.
Что сготовил мне грядущий день?
Знать, сидеть в тюрьме мне суждено.
Нафиг бросил телек?! Вот олень!

Месяц не важен

Михаил Гундарин

ОКТЯБРЬ

Осень. Упали тяжёлые листья,
Пахнет земным, незаёмным сиротством.
Ни под одной из поверженных истин
Мир не погиб.

Таково превосходство
Духа эпохи над духом природы!
Мрамор в аллеях виднее на жёлтом,
Сварены всмятку летейские воды,
И философствовать хочется молотом.
Полно, Алкест! Это только соблазны,
Блики на стенах уютной темницы.
Осенью звёзды, как осы, опасны,
Ноет укус, нелегко исцелиться.
Лучше наполним божественной влагой
Наши бокалы, продолжим беседу.
Пусть небожитель кичится отвагой –
В слякоть и стужу теплей домоседу.

Владимир Буев

МЕСЯЦ НЕ ВАЖЕН

С грохотом рушились прежние царства.
Классы сменяли друг друга у власти.
Мир и тогда не погиб. Государства
Даже смогли обойтись без династий.
Духи эпох обращаются в фурий,
В демонов также времён революций.
Вот хоть Землячка, хоть Троцкий на шкуре
Нашей российской смогли развернуться.
Хоть социальные, хоть из природы
Рушатся истины в век экстремальный.
Вечность не вéчна. Закаты-восходы –
Всё завершится эффектом летальным.
Дух-персонаж из Мольеровой пьесы –
Вовсе не то, что герой Еврипида.
Образ Алкеста и образ Алкесты –
Как Лобачевский поспорил с Евклидом.
Лишь за себя тот Алкест пострадает.
С жизнью Алкеста расстаться готова
Не за себя. Пусть и не за любого,
Но за другого, кто горе хлебает.
Рушится мир, неуютны темницы.
Да, домосед я, но мне не сидится.
В месте одном так и вертится шило.
Винным дурманом сегодня накрыло.
Не усидеть мне на месте едином.

Я философствовать жажду с графином.
Звёзды нещадно кусают и жалят.
Будто о зле Небожитель сигналиит.
Молот схвачу, огляжусь: где тут мрамор?
Глаз видит множество хлама и срама.
Мрамора нет. Снова дружба с графином.
Завтра себя излечу аспирином.

Жестокий романс

Михаил Гундарин

ИЮЛЬСКИЙ РОМАНС

Гром да гром. Полотенце на дачной веранде
Промокает до нитки, а нам всё равно.

Целый день мы сплетались,
подобно гирлянде,

А теперь расплелись и упали на дно.

Оттого-то над нами тяжёлые воды,

А над ними – бессильного солнца зрачок.

Время летних дождей, самой лучшей погоды,

Когда всё и нечаянно, и горячо.

Чтобы так и казалось, нам нужно расстаться –

Пусть подольше продлится невинный обман,

И никто не увидит сырых декораций,

И того, кто за сценой гремит в барабан!

Владимир Буев

ЖЕСТОКИЙ РОМАНС

После душа не стали сухим полотенцем

Вытираться. Я сразу тебя штурмовал.
Повалялись в подушках, подобно младенцам.
Юркнул в погреб я. Ты предпочла мне подвал.

Нас венчали не в церкви. На дачной веранде.
И не стоит пустую горячку пороть.
Не зима, дождь идёт, но зажгли мы гирлянды,
Чтоб не стала змеиным клубком наша плоть.

Мы метафорам дали простор разыгаться,
Помечтав о свободе (стабильна мозоль).
Красный цвет (словно вето) флажков-декораций
Возвращает актёров в привычную роль.

Добрый летний романс

Михаил Гундарин

АВГУСТОВСКИЙ РОМАНС

Ты устала, я тоже устал,
Новый день не несёт исцеленья.
Помутился июльский кристалл,
Жизнь крошится, как будто печенье.

Не стряхнуть эти крошки в ладонь,
Не скормить их на улицах птицам.
Что ещё? Угасает огонь,
Перевернута наша страница.

Посвежей-то метафоры нет?
Ничего уже нет, дорогая!
Только августовский полусвет,
Но и он догорит, полагаю.

Владимир Буев

ДОБРЫЙ ЛЕТНИЙ РОМАНС

Месяц август, и лету – конец
Я предчувствовать осень умею.

Вот метафоры свежесть – резец
Раскромсал нашу жизнь на затеи.

Взоры птиц обратились на юг.
Их куском пустоты не приманишь.
Без печенек теперь – как без рук.
Только сердце пернатым поранишь.

Прорицаю, что лету – труба!
Перевёрнута наша страница.
Не сорвётся в затеях резьба –
Сотни раз мне ещё пригодится!

В своей квартире

Михаил Гундарин

В ДОРОГЕ

Будто раздвинулась занавеска
Или рванула в кустах граната –
С полной ладонью чужого блеска
Ангел стал виден над автострадой.

Облако это текло и тлело
В летнем закате до горизонта –
Призрак, уставший белеть на белом,
Таять намеком на старом фото.

Будет последним вечером света
Нынешний вечер? Или назавтра
Снова увидим пыльное лето,
Длинную ленту цвета асфальта?

Владимир Буев

В СВОЕЙ КВАРТИРЕ

Словно разверзлись небесные выси.
Ядерный гриб надо мной не повис ли?

Или, быть может, исчадие ада –
Демон висит над ночной автострадой?

Мне – хоть бы хны. Я ведь за занавеской.
В домике я. От несчастий спасают
Прочные стёкла – отмыты до блеска.
Призраки ночи ничуть не пугают!

Главное – панике не поддаваться.
Пальцам до фортки не дать дотянуться.
Утром возможности есть оклематься,
С ангелом, глядя в окошко, сомкнуться.

Астролог с поэтом лежат на погостах

Михаил Гундарин

Вагон остроносых турецких ботинок,
Корейских носков три контейнерных блока.
В аду зажигают огни вечеринок.
Звезда моя жизнь, хороша и жестока!
Шуруй, Polaroid, пока этот воздух
Не стал чёрно-белым как яд или водка.
Теперь все подряд разбираются в звёздах,
Но тайну хранит – полинявшая фотка,
Где через размытый значок Мерседеса
А может, прицел проступает такое,
Что видеть подробней мешает завеса
(Опущена чьей-то умелой рукою).

Владимир Буев

Астролог с поэтом лежат на погостах.
(Планета заточена под космодромы).
Теперь все подряд разбираются в звёздах,
(Не ведают истин одни астрономы).
Я в гости ходил в кучу обсерваторий.
Вдвоём в тех местах мы бывали, случилось.

Вкус звёздного неба во мне животворен.
Я ракурс искал, ну, а ты бесновалась.
Я всё же нашёл... (как давно это было!)
Со снимком в руках мы домой уходили.
Ты даже под утро тогда не остыла.
Меня все подружки твои осудили.
Пусть фотка стара, пусть она полиняла,
Пусть нет в ней цветов, кроме чёрного с белым,
Я помню ту ночь, ты тогда отжигала,
А я к телескопу прильнул между делом.

Понтуешься при мне?

Михаил Гундарин

Закуриваешь своё? Поживи-ка с моё –
Разучишься брезговать папиросой.
А, впрочем, станешь таким,
как эти барбосы
За соседними столиками –
Прапоры или жульё.

Сегодня хороший вечер,
вязкий, как мумиё,
Гуляй с кем захочешь,
не задавай вопросы,
Пей своё пиво, не ощущай угрозы.
Мне-то куда деваться?
Я сам придумал её.

И эту буфетчицу с буферами,
Нависающую над нами,
И то что виснет над нею
(Думаю, это смерть).

Пластик столов, дымок над ними,

Тебя и меня. Как твоё имя?

Если можешь, ответь.

Владимир Буев

Понтуешься при мне? Да чтобы тебя

Грозой разразило по самые гланды!

Ступай-ка в лупанарий,

где пахнет лавандой.

И тебя, и подобных возьмут,

Внаглуя употребя.

Томится вечерний бульон.

Булькает, как вулкан.

Чего тормознула?

Страшишься иль взбрыкнула?

Думать хотелось, что меня обманула?

Жаждал с тобой целоваться,

Но чу! Идёт сводник-пахан.

В буфет лупанария полногрудых

Набирают вместе с посудой.

Но где ты? Всюду реет дым.

Пахан, огонь, она

(Всё столь же юна).

А я стою меж них двоих
В ревущем пламени и дыме.
И всеми силами своими
Молюсь за них, как за родных.

Зимний вечер, даже не февральский...

Михаил Гундарин

РОМАНС

Зимний ветер вышибает слёзы,
Как шпана у школьника – рубли,
Как стихи – истории у прозы,
Или камикадзе – корабли.

Так не стой на месте, обезвожен
Будто бы январская река,
Торопись домой, чужак-прохожий!
Там растопишь снег с воротника.

Собери по капле дар случайный,
А сумеешь, так и сбереги,
В старом сердце или чашке чайной,
На краю безжалостной пурги.

Владимир Буев

Зимний вечер, даже не февральский,
Даже без чернил и без свечей,

Выдавит (не сильно – мало-мальски)

Грусть и слякоть из моих очей.

Грохотать никак не хочет слякоть,

В этом тоже кроется печаль:

В январе мокрот глазная мякоть

Выдоит немного – не февраль.

Не навзрыд течёт вода – по капле.

Сердце постарело или вдруг

Ложка чайная вконец одрябла –

Капель (как даров) не соберут.

Если бы февраль уже кончался,

Или март-апрель пришли во двор,

Вот тогда бы снег не удержался!

И чернильным хлынул форс-мажор.

Троя, из которой родился Рим

Михаил Гундарин

АВГУСТ

Елена, смотри, уходящее лето,
Как пьяный поэт собирает окурки.
Мучительный зов не находит ответа,
На солнышке сохнут апрельские шкурки.

Любовник не новый, за то и гонимый,
Жужжит над увядшим цветком подсознания
Как грешные мысли в ушах пилигрима
А ночь распустилась тигровой геранью,

А небо, Елена, такое, что лучше
Не будет уже до скончания века
(Осталось недолго). Елена, послушай,
Тебе не хотелось убить человека?

И мне не хотелось.
Завянет под утро
Полночный цветок, ну, а там уже осень.
Под плюшевым пледом Гомер с «Камасутрой».
О том, что случится, мы их и спросим.

Что нового скажут бывшие кумиры?
В глухом городке не отыщешь пророка.
Кончается август. Мы наги и сиры.
О том, что грядёт, позабудем до срока.

Владимир Буев

ТРОЯ, ИЗ КОТОРОЙ РОДИЛСЯ РИМ

Елена, ты чудо! Тигровой геранью
Цветёт твоя прелесть в ночи. Ты под утро –
Само мирозданье. Моё ж подсознание
То любит Гомера, то чтит «Камасутру».

Я знал твоего предыдущего мужа,
Но совесть нисколько не гложет сознание.
Пусть даже попытка не будет уклюжа,
Но я обеспечу ему выживание.

Не так? Ты желаешь убить человека?
Ты жаждешь, чтоб мы в поединке сошлись?
Случайность нелепа. Короткого века
Себе не желаю. Елена, окстись!

Что ж, выйду на бой. Ухмыльнусь ядовито.
И, если соперник поранит меня,

Другая подруга (сама Афродита!)
Спасёт мою личность, собой заслоня.

Я вижу, ревнуешь. И грешные мысли
Тебя разогрели. Ты губы изгрызла.
А город, откуда со стен ты взираешь,
Совсем не глухой. Ты ведь Рим порождаешь.

Елена, ты чудо, но прозвищ чудесных
Тебе я не стану от «чуда» клепать.
Любые эпитеты вряд ли уместны.
А лучше, чем есть, никому не создать.

Я знаю, что только Прекрасною может
Быть та, чей супруг в Менелаях ходил.
Гомер устарел, Камасутру разложим.
Надеюсь, не стар, и ещё хватит сил.

Девятый класс – я сделан из кремня

Михаил Гундарин

Первый снежок – в горле морозный нож.
Чёрный ледок – вывернешь сам карманы.
Но всё равно уже не уйдёшь
Отсюда, где вместо вчерашних луж
Голые трубы судьбы, её барабаны.
Только и остаётся встать в уголок
Слушать слепое сердце, забыв о боли
Закуривать не спеша, припоминать урок
Скольжения по наклонной (типа с небес в барак).
Это девятый класс, это физика, что ли?
Жизнь оказалась длинной, о чём сказать –
Нет, не заслуга. Но ведь и впрямь длиннее
Мига, которой нужен, чтоб тенью стать,
Или шагнуть вперёд и скользить, скользить –
Тысячу раз проклятая затея!

Владимир Буев

Девятый класс – я сделан из кремня.
Крутой пацан – есть повод восхититься.
Шпынял я всех, кто младше был меня.

И в чьих карманах можно пожить.
Я пропускал уроки – я ж крутой!
Я физику игнорил однозначно.
Я в школу мог явиться вразг бухой.
Катиться по наклонной было смачно.
Курил я дико, словно паровоз.
А к вечеру в барак свой возвращался,
И начинался перед сном психоз:
Я в небеса взлетал, с землёй прощался.
Жизнь изменилась пару лет спустя.
Без боя перестали раскрываться
Карманы. Но не вышло у меня
С фантазиями вовремя расстаться.

С призраком говорю...

Михаил Гундарин

Нужно было пройти
вечности (говоря
честно, всего пяти
сменам календаря),
чтоб я посмел спросить
о чём-нибудь призрак твой.
Но это словно такси
ловить на передовой:
просто нелепо,
да
и вариантов нет –
знаю, что, как всегда,
ты промолчишь в ответ.

Владимир Буев

С призраком говорю
Целую вечность я.
Пусть я сейчас хитрю,
Бог мне один судья.
Я ведь ещё ничего!

Вечность моя – лет пять.
Кто-то мозгами «того»
Стал десять лет назад.
Лечащий доктор мой
Вечно при мне молчит.
Значит, и он такой:
Призрак и паразит!

Ничего не курил, не пил с утра

Михаил Гундарин

Эти струны будут возмущены,
Несмотря на то, что, поднявшись в рост,
Хлебным мякишем утренней тишины
Я замазал дырки на месте звёзд.
Таково воскресенье: проспять полдня,
Посмотреть наверх, покидая дом,
Хорошо, что видящие меня
Вспоминают прошлую ночь с трудом.
Это я по небу пустил волну,
Обвалил сияющий потолок
До утра стаканом ловил Луну
И почти поймал, да поспать прилёг.

Владимир Буев

Ничего не курил, не пил с утра.
В потолке звезда: не одна, а сто.
А из глаз летит за искрой искра.
Может, знак подаёт мне Кое-кто?
Вот свалилась Луна почти в стакан,
Что за ужас: не я поймал её.

Её бывший словил за хвост друган,
Мой сосед, что напротив. Вот хамьё!
Я зажмурюсь сильно и задышу:
Ночь и вечер мне стыдно вспоминать.
Я терзанием душу опустошу:
Зря соседу поставил в глаз печать.
Дыры хлебом замажу я в потолке
Я его подопру крутым бревном.
Потолок без протечек (лоб в холодке)
Не посмеет глумиться над пацаном,
Обрушаясь сонетом, другим стихом,
Мадригалом на голову свысока.
Я пойду прогуляюсь от всех тайком,
Чтобы ночью соседу влепить пинка.

Вот крутой пацан

Михаил Гундарин

ХУЛИГАНСКОЕ

В эту оттепель пуговицу штанов
Расстёгиваешь несмело,
А, казалось бы, здесь, в глубине дворов –
Минутное дело.
Но всё теплое ждёт ледяная сталь,
Заострённая книзу.
Пережить несезон помощи, февраль,
Ч/б телевизор!

Владимир Буев

Вот крутой пацан, не сумев совладать
В конце недели с ширинкой,
Не снявши штанов, будет продолжать
Всё той же шагать тропинкой.
Пусть плакать он станет потом поутру
Чернилами даже в текилу,
Февраль постарался: морозная сталь
Всё тёплое силы лишила.

То в кровать залегши, то сидя во дворе

Михаил Гундарин

февральскому дню на цыпочках нелегко
попадая/падая в молоко
осыпая себя ледяным конфетти
открывая пути/не зная пути

так и я – протянутая рука
стакан за мгновение до глотка,
оказался домом из которого все ушли

монетой которую не нашли
снегом, счищенным до голой земли

Владимир Буев

то в кровать залегши то сидя во дворе
открываю/смеживаю глаза
я ленюсь в феврале как и в декабре
словно русский князь/татарский мурза

словно барин изгнанный прочь в октябре

из поместья предков моих, упырей,
всё ищу свой дом где большой сундук

станет столь же полезен как ноутбук
где не лазали руки и души хапуг

Модерн погиб, изничтожен...

Михаил Гундарин

Столетье смерти модерна. Вербное воскресенье.
Голову Олоферна вносят в чужие сени.
Что он видел? Двойчатки вечно живых соцветий,
каменные початки, смальтой полные сети.
Что он увидит – в стёкла пыльного саркофага,
в мире простом и блёклом, плоском, словно бумага?
Миру не надо линий, поворотов сюжета.
Ни орхидей, ни лилий ярого полусвета.

Владимир Буев

Модерн погиб, изничтожен. Рок-н-ролл мёртвый тоже,
но не забыт, похоже: помер намного позже.
Вносят в стальных перчатках голову полководца.
Трав полевых тройчатка сбивает роль чудотворца.
Значит, модерн не умер, ставши метамодерном.
Не в саркофаге – в зуме жизнь потечёт Олоферна.
Если такая пьянка и Олоферн в модерне
сляпал свою делянку, пусть даже очень скверно;
если весь мир стал блеклой плоской простой бумагой,
если мужик из пепла – в метаболизм, в бодягу;

если всё это мета-, значит, модерн развился.

Значит, верна примета: метамодерн родился.

...Выдаст ли точное слово сердце на авансцене,

если Гребенщикова тыкву притащат в сени?

Что с миром станет, Боже, в воображенье эстета,

рок-н-ролл если тоже вдруг разовьётся в мета-?

Уж если всё плывёт в глазах

Михаил Гундарин

Кто знает, из какой тоски, из перелома со смещением,
из ночи, рвущей на куски своим тяжёлым освещением,
мы выплываем на бульвар предновогоднего похмелья...
Встречай, окраинный квартал, героев горькой карамелью!

Владимир Буев

Уж если всё плывёт в глазах и в голове пред Новым годом,
и тыркается мозг впотьмах, и тело стало стопудовым,
что будет, как курантов бой кварталу огласит двенадцать?
Герой в кровать или в запой? Что ждать несчастным до-
мочадцам?

Отчего не в сотню лет...

Михаил Гундарин

почему не улететь отчего не в пятьдесят
очень просто: поглядеть что без нас давно глядят
лёгок лёгок одинок поднимаюсь словно шар
мир валяется у ног обознался оплошал
кто уже под потолком про того не рассказать
самым крепким языком не заметить не связать

Владимир Буев

отчего не в сотню лет про полёт порассуждать
плюнуть сунуть и взглянуть как другой сумел вздохнуть
так легко легко внутри крепким стало бытие
слов тургеневских полно но они не жите
обознался потолок не заметить не связать
языком не обвязать матом сложно написать.

Я старый конь

Михаил Гундарин

Нет, не об этом говорили
Мне звёзды 30 лет назад!
Всё ими сказанное в силе
Оставить я, конечно, рад,
Но вынужден сместить подальше
От дня сегодняшнего, где
Как тот корнет по генеральше
Влачусь по чахлой борозде.

Владимир Буев

Я старый конь. Давно не порчу
Ни генеральш, ни борозды.
За 30 лет я стал разборчив.
Пахать мне больше нет нужды.
Не вспомню я, пожалуй, нынче
Всех генеральш былых в лицо.
При встречах я всегда был взвинчен,
Ведь генералы с ружьёмом
В любой момент могли явиться
И ненароком увидеть,

Как может в бороздах резвиться
Корнет. Не стану развивать.
Мой взор был негой сомкнут вечно:
Не помню лиц, хоть по ночам
Путь освещался ярко Млечный
(И звёзды не чета свечам).
...Акцент в желаниях сместился,
Иные кони падут пусть.
Я стар, хоть бес в ребро вцепился.
Пахать мне нечем больше. Грусть.

Очнулся – глазам не поверил

Михаил Гундарин

ДЕСЯТАЯ БАЛЛАДА

Над 307-м километром холодное солнце взошло.

Каким-то неведомым ветром меня в эту глушь занесло.

Я был содержимым попуток не знаю что делать теперь

И кажется через минуту навеки закроется дверь

Тяжёлую эту пружину едва ли удержишь плечом

О главном молчать прикажи нам (шепни для начала – о

чём)

Кто в этом холодном мотеле последнюю ночь проведёт?

О чём нам синицы свистели весёлый апрель напролёт?

Зачем ты мне снова приснилась, и снова была холодна?

В какие карманы набилась тяжёлая горстка зерна?

И снова – измена, измена, а после – беда и беда.

Но это финальная сцена, и сыграна не без труда.

Езжай, очевидец, обратно, пей пиво и вправду молчи

Про эти разрывы и пятна потерянные ключи.

Владимир Буев

Очнулся – глазам не поверил. Куда же меня занесло?

Реальность столб удостоверил: на нём размещалось табло,

Облезлое, правда, но видной была там цифирь 307.
Насмешки такие обидны над горьким моим бытием.
Куда бы ни шло, коль с оглядкой из грешных таинственных недр

Пророс указатель украдкой про 306-й километр.
И с 308-м километром смириться я смог бы всегда
(таёжные близки мне кедры). Но с 307-м?! Никогда!
Холодное солнце – о ужас! – и 307-й километр.
Я очень стараюсь, я тужусь, но страх безотчётен и щедр.
Как страшно, кошмарно и жутко на свете (в тайге) прожизивать.

В холодный мотель на минутку мечтаю скорее сбежать.
А там, где минутка, там вечность. И вот уж мотель потеплел.

И где допустил я беспечность? И где же я недосмотрел?
В карманах мне что-то мешает. Ощупал – там горсти зерна.

Господь мне сейчас помогает иль, страшно сказать, сатана?

Иль в час, когда други споили, отправив с попуткой в тайгу,

Они же сердечность явили к товарищу по кабаку?
Чтоб первое время дать дуба от голода я бы не смог,
И чтоб у меня, жизнелюба, затянутым стал эпилог?
Синицы, пружины, измена, закрытая дверь и беда –
Ужели финальная сцена и прочих ключей лабуда?

И как дальше жить, сознавая, в каком километре торчу,
О пиве с мотелем мечтая. Я в шоке. Проснуться хочу.

То потухнет, то разожжётся

Михаил Гундарин

То сожмётся, то разожмётся,
Птичьей дрожи полным-полно,
Будто смотрит со дна колодца
В занавешенное окно.
Мёртвым звёздам снится немного
И одно и то же всегда:
Нарисованная дорога,
Перевернутая вода,
Старый дом с кривыми углами,
Где вот-вот закроет глаза
Жизнь, завязанная узлами –
Воспалённая железа.

Владимир Буев

То потухнет, то разожжётся,
То погаснет опять, то сторит.
Так душа у поэта рвётся:
Витаминов в ней дефицит.
Россыпь звёзд показала изнанку:
Не щадя своего живота,

В воду плюхнулись. Спозаранку
Им могилою станет вода.
Отраженья в природе разлиты:
Двойники, тройники, все дела –
Перевёрнуты, но не разбиты
Зеркала, зеркала, зеркала...

Сложно в Москве пробиться

Михаил Гундарин

Снежной весны столица, каменное жнивье,
Нужно развоплотиться, чтобы забрать своё.
Строятся гороскопы, слышатся голоса,
Телефонные тропы тянутся в небеса,
Где по тропе мороза катится агрегат,
Серебро и глюкозу рассыпая подряд.

Владимир Буев

Сложно в Москве пробиться, заняты все места.
Впрочем, в любых столицах нет для сверчка шеста.
Люди кружком теснятся, вверх закатив глаза.
В блюдца упёрлись пальцы, вздрагивают уста.
Вот уже дух явился, с миром иным контакт
Тут же установился. Справился агрегат!
По телефонным тросам смог я наверх пролезть.
Так миражи наркоза на кол заставят сесть.

Где сказка, там и быль

Михаил Гундарин

СКАЗКА

В одном далёком городке гора приставлена к реке
И смерть невдалеке
Её не бойся – это твой передовой городской
Единственный конвой
Он отведёт тебя туда где камень есть и есть вода
Но нету и следа
От рек и гор и городков а только море огоньков
Над полем облаков

Владимир Буев

ГДЕ СКАЗКА, ТАМ И БЫЛЬ

В селе прожить не все хотят из-за коров и поросят
К хлевам приговорят.

Но ты впрягайся – это хлеб для тех кто креп фанатик
скреп

И кто любитель реп

Село – природная среда кругом чистейшая вода
Наплюй на города

Река и горы и овраг но городских тут нету благ

Для сельских бедолаг

Былое и думы

Михаил Гундарин

РАССВЕТ

поздней ночи этажи
громоздятся как попало –
проржавевшие Киж
мёртвый лес лесоповала
в этом омуте душа
хорошо играет в прятки
в небе нету ни гроша
только лезвие в подкладке
кто-то проведёт веслом
по воде – по гладкой коже
мы же тёмное стекло
под прозрачное положим

Владимир Буев

БЫЛОЕ И ДУМЫ

чётким-ясным должно быть
стихотворное творенье³
вот пример и нечем крыть:

³ Почти цитата Михаила (он так шутит в жизни).

муха села на варенье
если ржавые Киж
это точно подпоручик
эр минувших багажи –
всё одно для самоучек
древо не покорно рже
даже если в омут душу
подпоручики Киж⁴
заржавеют сидя в луже
вот поручик капитан
впрочем и без лужи тоже
уж полковник сей туман
мог вполне бы стать вельможей
не игрался в прятки он
потому что не рождался
без гроша (вот фельетон!)
он в военные подался
в ножнах лезвие клинка
и подкладка под мундиром
а фантомная рука
кожу смазывает жиром
от весла и от воды
проржавевшими Кижами
веет как от лабуды
насладимся миражами

⁴ Паронимическая аттракция: Киж-Киж.

чтобы душу не скребло
нам ни тёмное не нужно
ни прозрачное стекло
с телескопом водим дружбу

Тили-тили

Михаил Гундарин

Пели-спали, где только придётся, водку в ступе любили
толочь.

Но не пьётся уже, не поётся, и не спится в холодную ночь:
Жизни жалко и жалко собаки, остального не жалко почти
В подступающем к сердцу овраге, у большого ненастья в
горсти.

Владимир Буев

Тили-тили (не тесто с невестой), трали-вали (прошли это
все):

Водку в ступе мололи совместно, языками мололи эссе.
А потом изменили порядок. Не порядок, а слово одно.
Водку стали толочь без загадок, языками – толочь молоко.
Спились-съелись, в Корее пожили. Жаль с тех пор горе-
мычных собак.

Шерсти горсть в чутком сердце хранили, надо клочок этот
съесть натошак.

Тили-тили, опять проходили, трали-врали, как все хвасту-
ны.

Не поётся, но пить не забыли – так в ненастьях живёт пол-

страны.

Я перед выходом во двор...

Михаил Гундарин

ДЕВЯТЫЙ КЛАСС

Где у подъезда толкотня и тёмный лес тяжёлых рук
Там ждут надеюсь не меня я слабый враг неверный друг
Качели, горки, гаражи – темны распятыя во дворах
Попойки, драки, грабежи ты прахом был и станешь прах
А дома книжная тюрьма обойный клей колода карт
Уйти в бега, сойти с ума советует лукавый бард
Но нет надёжнее пути сквозь стыд и срам чужих дворов
Чем сон-травую прорасти не оставляющей следов
А в небе ледяной металл и если лечь лицом в бетон
Увидишь то что так искал – свой неразменный миллион...

Владимир Буев

ШКОЛЬНИК

Я перед выходом во двор в два раза делаю острее
Свой бдительный орлиный взор, иначе шанс поймать люлей
От гопоты имею враз, от этих мрачных забияк
Ершистых наглых злых зараз, я жуть боюсь пацанских драк

Все норвят достать кулак, поставить мне большой синяк
Да я слабак ну пусть слабак, и я не то чтобы смельчак
Но и не трус, ну пусть боюсь, и потому не оступлюсь
Я дома в угол свой забьюсь, на чтение книжек навалюсь
Колоду карт в пасьянс сложу – всё тренировка для ума
Зато в штаны не наложу, и теоремою Ферма
Прозабавляюсь вечер весь, ботаник я, мне стыд и срам
Вдыхаю клей как будто взвесь не веря собственным сле-

зам

Дурманы в сером веществе мотив подарят просиять
Свалиться мордой в оливые и рубль последний разменять.

На пленэре

Михаил Гундарин

В ПАРКЕ

покупай эти сладости в полный рост
всё что хочешь в киоске Простой Мечты
пока механический свищел дрозд
пока все места пусты

а мы обнимаем своих детей
потому что наше всё – будет их
а мы ожидаем вестей
дожидаемся от чужих

леденец на палочке леденец
с апельсиновым вкусом открытым ртом
был я жнец, на дуде игрец
вспомнишь ты – о другом.

Владимир Буев

НА ПЛЕНЭРЕ

философской Мечты Простой мастак
эту тему с нуля до высока́

проработал философ так и смяк
место было пустым пока

а потом наконец пошёл обнять
приголубить детей своих родных
им серебряных гор наобещать
(одарить золотыми чужих)

механический дрозд леденец долбит
этот дрозд – пистолет-пулемёт
их Ижевск производит (профицит)
и ещё не один произведёт

апельсиновый вкус случайных пуль
и в киоск стремглав игрец да жнец
за сердца – рукой а во рты – пилюль
но куда подевался швец?

Посидеть на двух стульях не всякий рад

Михаил Гундарин

Это новая песня на старый лад,
на зубок её брали и там, и тут:
из живущих каждый не виноват,
виноватые вниз головой цветут.
Они камни колышут на площадях,
иногда приснятся, как зимний лес,
где деревья чёрные все в гвоздях
(но иных не встретишь ни там, ни здесь).
Они тоже хотели из общих зол
выбрать меньшее, стать серебром планет...
Опустили сердце в густой рассол,
позабыли на девяносто лет.

Владимир Буев

Посидеть на двух стульях не всякий рад,
понимая последствия там и тут:
можно выйти оттуда в Эдемский сад
или выбрать совсем иной маршрут.
Те, кто жив – обыватели хоть куда:

приспособились через камни шагать.
На чужие кто умышлял места,
тот готов рассвет на ветвях встречать.
Заколышутся камни на площадях,
на ветвях закачаются булки враз –
и окажутся новые на гвоздях:
годы прежние выползут напоказ.

В иных мирах я тоже как-то шастал

Михаил Гундарин

В Транквилиуме этом, Тропарёво,
ещё при позапрошлом короле,
едва сопротивлявшееся слово
полнеба мы тащили на пиле.
Усохли дни, зато набухли ночи,
ни слов, ни пил. И, честно говоря,
сегодня даже небеса не очень
подходят для тасканья словаря.
Бог в помощь нам, дельцам и дилетантам,
катящимся с невидимой горы –
ладони добродушного гиганта.
Теперь и это в правилах игры.

Владимир Буев

В иных мирах я тоже как-то шастал,
В Транквилиум опять же забредал.
Но, может, зря сейчас о том похвастал?
Всего лишь в Тропарёво побывал.
И там мне было тяжко: слова ради
единого я поднимал пилу.

Я был Атлантом, ибо в роли клади
волок (подобно мощному волу)
полнеба на пиле простой двуручной.
Я так старался, даже изнемог.
Но Бог исправил день мой злополучный,
устроив мне счастливый эпилог.
Весь вечер без пилы хожу свободно,
И завтра тоже в гору не пойду.
Сизифов труд – как это благородно!
Но дилетанты с нормой не в ладу.

Кушать хочется всегда

Михаил Гундарин

месяц ели мокрый хлеб
что отпущен был по водам
а потом приплыл обратно
мы довольны не вполне
этим хлебным тихоходом –
у него на шкуре пятна
ну а если утонул
значит все мы утонули
хоть плавучи будто пробки
но не дали нам уплыть
утопили и вернули
и хранят в сырой коробке

Владимир Буев

кушать хочется всегда:
мокрый, свежий хлеб, сухой ли –
глядя сверху (соразмерно)
сознаём не о еде
речь сейчас идёт лихой ли
или может быть примерный

тот кто плавает в реке
он не плавает а всплывший
пятна трупные мелькают
из-за газов вздут живот
нам глаза на мир открывший
что иной мир все узнают

Появилось в истории много тех...

Михаил Гундарин

Полуэктов видит короткий сон:
горящие города.
Просыпаясь, берётся за телефон,
сообщает туда, куда.
Это просто работа. Его оклад
не зависит от темы сна.
Важно, чтобы записывал всё подряд,
разберётся сама страна.
Полуэктов трогал ядерный гриб,
но медаль получил за то,
что однажды увидел двух мёртвых рыб
в алюминиевых пальто.

Владимир Буев

Появилось в истории много тех,
кто фальшью кроет её,
Искажает суть, скрывает успех,
нутро обнажая своё.
Полуэктов Павел⁵ про ядерный гриб

⁵ Понятно, что у автора оригинального стихотворения фамилия Полуэктов

знал всё, что положено знать.
Он ядерщик. Доктор. Возможно, рыб
в озёрах он мог созерцать.
Пахал папой Карлой. Открытый воз
наделал учёный наш.
Плохой в онкологии был прогноз,
Не спал и не впал в саботаж.
Страна оценила, вручила медаль,
не ту, что скажут потом.
И прочих наград была спираль –
Заслужены все трудом.
...А в части алюминиевых пальто,
которые парочка рыб
напялила будто бы (вот шапито!),
то это простой недосып.

употреблена как «имя нарицательное». Однако перед написанием «отклика» я на всякий порылся в словарях и выяснил, что в истории среди десятков реальных Полуэктовых был ядерщик Полуэктов Павел Петрович (1945-2015), ставший доктором физико-математических наук и исследователем в области обращения с радиоактивными отходами и переработки ядерного топлива. Медаль он получил «В память 850-летия Москвы». Друг Миша на эту реплику отреагировал в свойственной ему манере: «Мало ли было Полуэктовых. Это не тот. Этот секретный».

Петров в подвале задержался

Михаил Гундарин

Петров закончил заготовки
обыденное моросит
троллейбус двинул с остановки
и не дождался, паразит
Петров, зачем свои соленья
ты кутал в старое пальто?
из огурцов и перцев тленья
не избежал ещё никто
ты скажешь плотная закрутка
и ледяные погреба
плывёт немытая маршрутка
Петров, а я скажу судьба

Владимир Буев

Петров в подвале задержался
не -Водкин, а простой Петров
и потому он занимался
соленьем перцев-огурцов
а вовсе не спиртных напитков
распитьем наглым среди дня

ушёл весь транспорт вновь попытка
вернуться в офис обгоня
троллейбус вкупе с той маршруткой
не мытой год иль целых пять
обед закончен и закрутку
успел он до конца сваять.
и разовьются отношенья
из погребных зимою льдов
Петров достанет все соленья
из перцев и из огурцов
не ждите от Петрова тленья
он сытно ест пешком идёт
респект Петрову уваженье
судьбу Петров подальше шлёт

Пустовалов, Полуэктов, Петров

Михаил Гундарин

Пустовалову принесли вина,
И к нему шашлык, что устроен ловко:
Половина, как утренний сон, жирна,
А другая жилиста, как циновка.

Размотать бы жилы на провода,
Чтобы слышали это в любой столице:
В мире есть хорошие города,
Ни в одном не хочется поселиться.

Ни любви не надо, ни шашлыка –
Всё равно, измена или изжога.
Дайте, что ли, змеино-молока!
Пустовалов, пей, но не слишком много.

Владимир Буев

Пустовалов, Полуэктов, Петров –
святая троица Мишиных стихов.
И все на букву П – вот это ж надо!
Лихая троица – почти бригада.

В стихах на тему пищи с питиём
Нравоученье исподволь сквозит.
Петров – один Петров, их не вдвоём:
В том смысле, что не -Водкин, паразит.

И Полуэктов не из выпивох.
Он лодырь, тунеядец, разгильдяй
в стихах у Миши. В общем, он не плох:
ему лишь мёртвых рыб к столу подай.

Вот Пустовалов любит алкоголь.
Закусывает он не требухой,
а шашлычком, как козырной король.
И регулярно вдребадан бухой.

Все ведают, что Пустовалов хват,
что он при этом сказочно богат
и что, придя однажды в зоосад,
на серпентарий обратил свой взгляд.

У Пустовалова наследник есть прямой,
который понял, как рулить судьбой:
десяток змей в подарок принесёт,
напоит самогонкой и уйдёт.

Обнюхаю снег

Михаил Гундарин

по первому снегу собачьему следу
я буду искать остальные детали
тебя окликать как чужую победу
молить чтобы нас не прервали

твой голос бездомен в моём телефоне
в закрытых глазах отражается небо
над парком что в ласковой зелени тонет
и запахов полон как тёплого хлеба

ты в городе где так чисты переулки
что запросто можно не выпачкав ноги
весь мир обойти и вернуться с прогулки
и вот ты в дороге

а я говорю возвращайся скорее
а ты отвечаешь увидимся снова
на нашей весенней весёлой аллее
где сила и слава и слово

Владимир Буев

обнюхаю снег но найду в телефоне
так значит победа хоть ты мне чужая
молиться умею но лишь на жаргоне
в эстетский жаргон не вползёт запятая

догадка была: не один я собака
и эту догадку ты мне подтвердила
твой голос бездомный несётся в атаку
на небо надеется трубка мобилы

чужих голосов я наслушался вдоволь
вот запахи мне обоняние режут
а вот и фантомов садовых некрополь
мне зеленью взоры ласкает несвежей

мобилу в корзину гулять надо больше
здоровье на воздухе а не на воздух
гулять по планете, Европе, по Польше
по миру не по миру: жить нужно остро

ан нет отдавайте обратно мобилу
хочу голосов и комфорта я снова
не выпачкать ног на диване светилу
здесь сила и слава и слово

То ль Мария, то ль не Мария

Михаил Гундарин

мушкетёры твои ацтеки
где Мария
в начале лета
проводила друга навеки
а запомнила только это
как стоял на тяжёлом камне
посреди ледяного неба
говорил всё равно запомни
улыбался нелепо
это было в книге не в книге
гастронома среди эфира
где хромая душа
выпрыгивать
училась за двери мира
до сих пор золотые титры
зависают над облаками
это мантры Мария мантры
всё дословно что было с нами

Владимир Буев

то ль Мария то ль не Мария
Магдалена
но эйфория
обуздав меня Мельпоменой
драму гасит асимметрией
историчность былых страданий
и блаженных улыбок кротость
у Марии-доньи метаний
не отнимут убогость
ведь Кортес на тяжёлом камне
постоял неспроста взирая
как ацтеков бойцы арканят
как империя исчезает
ты Мария просто Мария
Магдалена или Марина
если в мантрах твоя ностальгия
в Мельпомене причина

Из нового блокнота

Михаил Гундарин

ИЗ СТАРОЙ ТЕТРАДИ

Землю увидеть во сне, ты сказала, дурная примета.
Для посвящённых – предвестье тяжелого года,
как урожай огурцов, как злодейка-комета,
хвост перед каждым задравшая не без дохода.
Я возражу, ибо что нам, астралопитекам,
в этом случайном стеченье чужих обстоятельств!
Ради забавы представишь себя человеком –
сразу навалится груз долговых обязательств.
Трудно лететь, трудно плыть под холодной водою,
трудно раскрашивать мир в надлежащие краски.
Там, где погасло твоё и моё золотое,
трудно представить глаза без тяжёлой повязки.

Владимир Буев

ИЗ НОВОГО БЛОКНОТА

Ты поутру огурцов насолила большую бадейку.
Я уточнил: мол, ты землю во сне повидала?
Прямо не можешь ответить, всё ищешь лазейку:
что-то бормочешь, что деньги в семью доставала,

что, мол, всю ночь ты очей голубых не смыкала,
и что ты вечно в нелёгких заботах домашних.
Я по глазам твоим вижу, что хочешь большого скандала,
и потому приведу свои доводы круче вчерашних.
Скрыться в астрале – не то, в Австралии греться;
просто питеком не быть, и забыт питекантроп –
так возражу, и придётся тебе утереться.
Спорить со мной тебе не дали музы таланта.
Трудно быть богом, но запросто – домохозяйкой.
Трудно раскрашивать мир в надлежащие краски.
Я понимаю: быть тяжело болтушкой-незнайкой.
Вот же, возьми, и на рот повяжи свой повязку.

Посчитали – прослезились

Михаил Гундарин

СЧИТАЛКА

Кто проснулся кто приснился

Кто пошёл и выпил море

Кто совсем не изменился

Кто ошибся в разговоре

Всем нам следовало строже

сохранять свои руины

А теперь-то кто поможет?

Кто не с этой половины?

Владимир Буев

ПОСЧИТАЛИ – ПРОСЛЕЗИЛИСЬ

Старики сошлись в угаре

Детство вспомнили, визжали

И в одном большом кошмаре

По колено в море встали

Как цыплят считают в осень

Так и эти просчитались

Год был прошлый одиозен
И здоровья не осталось

Всем им следовало строже
Сохранять свои руины
Но теперь им кто поможет?
Не осталось половины

2021 год

Представь, что ты в Китай забрёл

Михаил Гундарин

Весь вечер пой, все утро пой
А после замолчи
И снова выгнется дугой
Дорога в Урумчи

И 95-й год
Алмазный порошок
Присядет рядом и нальёт
Уже на посошок.

Горит Восток, плывёт челнок
По золотым волнам
Пока короткий эпилог
Январь читает нам

Владимир Буев

Представь, что ты в Китай забрёл
Дорогой в Урумчи
А тут уйгур тебе вспорол
Живот ножом в ночи

Подумав что пришелец ты
Китаец-оккупант
Чужие хочешь рвать цветы
Земли интересант

То ль 95-й год
То ль через 30 лет
...Китай там реки крови льёт
Но внешне – марафет

Синьцзян равнинен и горист
Песчанен и «речист»
В том смысле: реки тоже есть.
В озёра можно влезть.

Зарёю новою горит
Синьцзян, как наш Восток
Ужель не чуешь, где зашит
опасный эпилог?

Подумай, в Урумчи ли мчишь?
Туда ль твой путь дугой?
Потом не ной, потом не вой,
Навеки замолчишь.

Немало Риманов коптили небо

Михаил Гундарин

где небо будущим беременно
а тут продлёнка третий класс
мы все идём тропюю Римана
но Риман умер не за нас
зазря пространство многомерное
густеет в баночке чернил
всё ассонансное, минорное
какое ты и сам любил
иное только улыбается
не поддаётся мирный квант
он с нами пьёт, грешит и кается
как привокзальный музыкант

Владимир Буев

немало Риманов, казалось бы,
коптили небо за века
история не примет жалобы
ни от кого наверняка
американцы, немцы, русские
их было много на челне

но были все они моллюсками
никто не мог встать наравне
с тем кто прославил математику
(всего-то сорок лет прожил)
кто дзета-функцию фанатикам
как ряд Дирихле предложил
где нуль значенья избирательны
у дзета-функции тогда
когда все числа отрицательны
но чётные как дважды два
и к Римана с тех пор гипотезе
хотят прильнуть те рифмачи
кому пространство снится в образе
чернильной банки у свечи
те, кто в пространство улыбается
иль кому щерится оно
тому кто пьёт грешит и кается
и с музыкантом заодно

Жизнь в сознании проносится...

Михаил Гундарин

Ты-то помнишь эту музыку ТВ
Эти танцы в беспощадной синеве

Помню-помню занавешенный экран
Чью-то кровь из чёрно-белых рваных ран

Были молоды мы, молоды тогда
А над нами говорящая вода

А над нею ледяные небеса
Между ними города и голоса

Десять жизней уместились в полчаса

Владимир Буев

Жизнь в сознании проносится тогда
Когда смерть в тебя толкает тонны льда

Успевает пробежать всего за миг
Заявляя: ты всего уже достиг

Если десять жизней, мигов пять плюс пять
Но не полчаса, не стоит людям врать

Танцев нет, но занавешен весь экран
Даже если крови нет и рваных ран

На столе опять наполненный стакан

Весна-лето

Михаил Гундарин

ЧИСЛА

всего 500 рублей и снова жив-здоров
посаженный на клей окраинный Брюллов
но нету пятисот в промозглом декабре
среди былых красот шуруй без якорей
возьму 150 нашарив 200 и
весну не запретят (но кажется смогли)

Владимир Буев

ВЕСНА-ЛЕТО

ну почему Брюллов? быть может Пикассб?
ведь первый был здоров не сел на колесо
а может и Дали ещё такой ван Гог
ширялись ведь они а вот Брюллов не смог
окраинный Дали, ван Гог иль Пикассо
не смог найти рубли но ведал адресок
где в долг дают весну и лето где поймать
не грех (чтоб пацану два раза не вставать)

Зима. Крестьянин торжествует...

Михаил Гундарин

ПРОВОДЫ ЗИМЫ

Сегодня откроем забрало,
прикроем тяжёлое тело.
Как долго зима умирала
и знать ничего не хотела!
Незнание – это привычка,
а знание – это засада.
У пьяных ломаются спички,
а трезвым огня и не надо.
На празднике нового леса,
растущего вровень с подошвой,
обнимемся без интереса,
расстанемся не заполошно.

Владимир Буев

ЗИМА. КРЕСТЬЯНИН ТОРЖЕСТВУЕТ...

Забрало лицо мне скрывало.
Нисколько меня не смущало,
что весь остальной я был голым
(весь лёгким, совсем не тяжёлым).

И вот наконец я решился
забрало открыть. Удивился:
в округе зима бушевала –
и холодно сразу мне стало.

Незнание – это привычка,
а знание – это засада.

Карманов коль нет, нет и спички.

Огня же сейчас ох как надо!

Тут публика вдруг объявилась
(за соснами прежде таилась?):
на празднике нового леса
глядит мне в лицо с интересом.

Медленный транспорт

Михаил Гундарин

НОЧНОЙ ТРОЛЛЕЙБУС № 20

В сторону Серебряного Бора
(как темна листва его густая!)
по волнам ночного разговора
движемся, почти что засыпая.
День был жарок, полночь – неизбежна,
за окном то смерть, то бакалея.
Приближаясь к линии прибрежной
замирает старая аллея.
И уже невидимы ансамбли
новых зданий, слепленных по-птичьи.
Созданный единым взмахом сабли,
крепкий берег ждёт своей добычи.
Надо стать прозрачней, неприметней
стёклышка троллейбусной теплицы,
чтоб исчезнуть с девяностолетней,
так и недописанной страницы!

Владимир Буев

МЕДЛЕННЫЙ ТРАНСПОРТ

Едем на троллейбусе с тобою.
Я хочу быстрее в кровать свалиться,
насладиться полной тишиною
и... твоими стонами упиться.
Еле тащит транспорт тушки наши.
За окном у бакалеи хулиганы.
Бродит смерть ночная рядом с пляжем.
На аллеях скрылись атаманы
с саблями и ждут своей добычи.
А шофёр – как будто спит в теплице.
Я сейчас бы взгрел его обличье,
невзирая на любые лица.
Побыстрее, троллейбус, что ты медлишь!
Вот уже не видимы ансамбли
новых зданий: как тут уцелеешь!
Чую: наступил на те же грабли.
Мысли о другом (совсем некстати).
Лет мне девяносто. До кровати
я смогу добраться и свалиться.
Но смогу ль тобою насладиться?

Вторнику надо много

Михаил Гундарин

Вторнику много надо:
он чемпион всего,
сам себе крест, ограда,
дилер и вещество.
Я же заброшен в среду.
По острию ножа
дымным поездом еду.
Стало быть, заряжай!
Ставлю кассету грома
в каменный пулемёт.
Скоро мы будем дома –
вечности не пройдёт.

Владимир Буев

Вторнику надо много,
в среду заброшен ты.
Пятница – у порога
будничных дней мечты.
Но чемпионским выям
бесу не повредить.

В лидерах – выходные.
Было так, есть и быть!
Будни – они жестоки.
На остриё ножа
нечего экивоки
делать, коль наложу
в джинсы кассету грома,
рвёшься быстрее домой.
Скоро ты будешь дома,
вечностям не впервой.

Божественный мотив из литер четырёх

Михаил Гундарин

Весёлая тоска венецианских зим,
божественный мотив под номером четыре.
Он умер, но смотри, остался негасим
и медленно плывёт в предпраздничном эфире.
Лови, куда он – полупрозрачный шар
из рыбьей чешуи сияющего моря
(рисованной страны несмелая душа,
блаженное окно в стене ночного горя)

Владимир Буев

Божественный мотив из литер четырёх
в значенье музыкальном опусом зовётся.
И опусов таких из разных эр, эпох
не два, не три, не пять десятков наберётся.
Времён у года есть четыре (а не пять),
И ровно столько же концертов у Вивальди.
Венеции тоску на скрипке обыграть
сумел он точно так, как Ломоносов – смальту.
А рыбью чешую сумел познать поэт

посконный и лихой, большой знаток покушать.

Он видит чешую и рыбий силуэт

в шарах и там, где в окнах можно море слушать.

P.s. Короче, везде: не складно, зато верно, как учение

Маркса, которое всесильно.

Там же

Михаил Гундарин

НА КУХНЕ

Полночь бродит долгими кругами,
тёмная, невидимая нам,
розовым вином и пирогами
веселящим сонный Инстаграм.
Батарею тёплую потрогай,
помечтай, что посреди пурги
в этот дом потеряна дорога...
Но уже сужаются круги.

Владимир Буев

ТАМ ЖЕ⁶

Ночь мне очи застит. Я включаю
свой проверенный годами ноутбук.
(Полночь – это к слову). Открываю
Инстаграм, а сам пишу в Фейсбук.
До полуночи минут так тридцать.

⁶ Фейсбук признан в России экстремистским и запрещён. Михаил опубликовал своё стихотворение в фейсбуке 14 января 2021 года примерно в 23.30. Я, разумеется, его творение тут же обнаружил и обыграл в меру своей испорченности.

Не беда! Пурга – везде пурга.

В полчаса пурге не завершиться –
к тёплой батарее жму бока.

Времена года

Михаил Гундарин

ИЮЛЬ⁷

Дудеть в свою дуду, не думать об ином,
простить заблудший мир,
остаться виноватым –
таков соблазн дождя, прошедшего сквозь дом
и вышедшего вон по желобам покатым.

Июльские дела! Весь день, зевая, ждѐшь
летучей вести о заслуженной награде,
пока сырой асфальт, сверкая, словно грош,
играет в зеркала, своей забавы ради.

Порой заглянет гость – «На несколько минут...
Какой там, к чёрту, чай, тащи скорее кваса,
на пиво денег нет, а Кока-Колу пьют
мажоры да жлобы из правящего класса».

Ты прав, мой милый друг! Давай поговорим
за кружкой о судьбах сегодняшней культуры,

⁷ Судя по дате в фейсбук, стихотворение было написано автором 11 июля 2019 года.

о том, как низко пал презренный Третий Рим,
а, впрочем, и о том, какие шуры-муры

стоят в повестке дня... Оставим лучше их
до осени – жара и так невыносима.

Ну что ж, тем слаще квас,
тем бесшабашней стих,
тем медленнее жизнь... Пускай проходит мимо.

Владимир Буев

ВРЕМЕНА ГОДА

Пришли июль и дождь (неважно, что январь⁸
безумствует сейчас в Москве у пародиста).

В июле вечно так (так повелось уж встарь):

Вручают ордена героям-гуманистам.

А я ведь он как раз! А я и есть герой!

Я с первого июля не схожу с дивана.

Из дома целый месяц я невыездной.

Квартира для меня – что хватка лап капкана.

Когда же весть придёт? Ведь август на носу.

Ну, пусть не на носу, но – середина лета.

Уже недели две я вестника пасу.

⁸ Ответ был написан в середине января 2021 года.

Когда ж конец туннеля озарится светом?

Опять снаружи дождь. Сырой асфальт опять.
Приятель без гроша, мечтаю о халтуре,
Заглянет в дверь мою. Ему бы всё болтать
О Риме Третьем да о девках и культуре.

И вдруг закончен дождь. Меня бросает в жар.
Ужели?.. Снова нет. И края нет волынке.
Не гордый я. Готов сменить репертуар:
не нужен орден мне, медаль куплю на рынке.

Тра-ля-ля. Проснусь. Увижу

Михаил Гундарин

А день был таким простым,
Ярким, одушевлённым
Зелёным и золотым,
Золотым и зелёным.
Утром любили нас,
Вечером обижали,
День понемногу гас,
Размывая детали.
В темноте полетим
К огонькам отдалённым,
Зелёным и золотым,
Золотым и зелёным.

Владимир Буев

Тра-ля-ля. Проснусь. Увижу
Жёлтое на зелёном.
Как будто бы я в Париже
В Версале ихнем хвалёном.
Любили тут постоянно
И утром, и вечерами

Безбожниц преокаянных.
А пуще всего – ночами.
Дождусь темноты. Спрячусь.
Я чувства к искусству питаю.
Ведро зазвенит – раскорячусь.
Уборщицу в сети поймаю.

Иоанновна Анна на Русь привела...

Михаил Гундарин

Вот и прожита жизнь в ледяных гаражах.
Второсортным портвейном попробуй согрейся!
А с копеечным Югом ты был на ножах...
Ни на что не надейся!
Но как старый резец захлебнётся резьбой
И далёко летят заостренные брызги,
Так и мир, победивший тебя, на разбой
Не решается больше, измызган
Роковым поединком, где вышел твой щит,
Как луна с финкарём из густого тумана,
И, на небе черкнув, будто лазером, «shit»,
Стал изнанкой экрана.
Где твой гаечный ключ, словно меч, словно луч,
Выбил ржавую искру
Из покрытых бронёй, обезвоженных туч –
Продырявил канистру.
Спи спокойно, увидев иное, боец,
В головах твоих ветошь и масло.
В «Жигулях» полумёртвых – охрипший певец,
Ожидающий часа.
Будет утро похмелья и час торжества,

Мы их вряд ли увидим.

Наше дело – ослепнув, придумать слова,

Послесловье к обиде.

Владимир Буев

Иоанновна Анна на Русь привела

Ледяные дома как тусовку с массовой

Там и пили, и ели... Гараж без тепла,

без еды, но с вином – то издѣвка.

В гаражах ледяных самогон лишь спасѣт.

Не спасут каберне, Изабелла с мускатом,

«Солнце Юга» не всё за копейки идѣт:

то, что дешёво, кроется матом.

Неспроста и на небе зажѣгся с крестом

Яркий лозунг *in hoc signo vinces*,

А не сѣмь побѣдиши под лунным ярмом.

Не случайно друг Костя был взвинчен.

Если гаечный ключ в гараже, словно крест,

Выбил ржавую искру на небе,

То под спирта парами «Жигуль» в «Мерседес»

Превратится вот-вот (мы же слепы).

Издырявить канистру, разлить весь бензин

Вместе с маслом, поджечь и смотаться.

Но куда? Ну, конечно, туда, в магазин,

А потом горевать и метаться.

В гараже угоревшие, спите, бойцы.
Я, случайно спасённый судьбою,
Как любые секретные гимнов певцы
Солнцепёк отыщу под скалою⁹.
В гараже ледяном как бойцов всех собрать,
Как дотла выжечь лёд, я научен.
Вот теперь будут знать, как меня обижать.
Я теперь с торжеством неразлучен.

⁹ Аллюзия к пушкинскому «Ариону»: «...Лишь я, таинственный певец, На берег выброшен грозою, Я гимны прежние пою И ризу влажную мою Сушу на солнце под скалою...»

Карусель скрипуча?

Михаил Гундарин

Всё идёт по плану. Весна – красна,
Карусель скрипуча, как древний бог.
Лишь самой себе до конца верна,
Раскрывается книга в двенадцать строк.

Вот и всё, что осталось от болтовни
Пылкой юности (думали – не унять!).
Двадцать третьего будет плюс пять в тени.
Не забудь же перечитать

Эти строки, придуманные тебе.
(А по сути, придуманные тобой.
И особо – двойной пробел,
Несмолкающий, как прибор...))

Владимир Буев

Карусель скрипуча? Есть солидол –
Он не только в вёсны осилит скрип.
Книг в двенадцать строк поиск был тяжёл,
Но стихов полно у поэтов-глыб.

По двенадцать строк у Бальмонта есть.
Грибоедов, Пушкин, Есенин, Фет,
Маяковский, Брюсов – пусть всех не счесть,
Но на память вспомнит любой эстет.

Здесь Ахматова с Блоком прошлись по льду.
Тут Некрасов и Лермонтов жар гребли.
И Цветаева в этом длинном ряду.
И попроще поэты жгли.

Вдруг поэму «Двенадцать» имел в виду?
Человек там двенадцать, а не строк.
Я словесную снова бурю руду,
Чтобы выучить тот урок.

Эти строки, придуманные одним
(А по сути, придуманные другим)
Плагиадом не станут никаким,
Я надеюсь... но пальцы скрестим.

Пропустил остановку? Проспал?

Михаил Гундарин

Сердце качается, как вагон
Поезда «Барнаул-Кулунда».
Повторяется, как рефрен,
Продвигается, как патрон
В тоннеле грязного льда.

Здесь попутная лесостепь
Царапает стёкла до дрожи,
Здесь нарезанный чёрный хлеб
На серой газете разложен.

Крепко-крепко связан стоп-кран
Проволокой железной.
Я её размотаю сам,
Горячо, бесполезно.

Владимир Буев

Пропустил остановку? Проспал?
Разогнаться твой поезд успел?
Чья ж вина, что ты спал наповал

Или если в окно ты смотрел,

Если взор твой бежал в лесостепь

Или если ты хлеб поглощал?

Повторюсь: чья вина, коль нелеп

Сам раззява, упавший в астрал?

Чья вина, что не прыгнул, когда

Осознал, что вагон твой в рывке?

Твоя воля была не тверда,

Коль стоп-кран не сорвался в пике.

Ничего – вот достигнешь села

(Кулунда – там маршруту конец),

Раз уж смелость твою забрала

Рукоятка простая, хитрец!

Наука молча принимает факт

Михаил Гундарин

Очередной зимы стальная ось
Легко нашла живое полотно,
Вошла в него, прошла его насквозь
И там, где вышла вон, – воспалено.
Но поболит недолго: это март,
Неприхотливый черновик всего,
Дурак-игрок в карманный бильярд,
Полезное, однако, существо:
Ему известен путь в холодный лес,
Где рваный город вроде башмака
Валяется среди семи небес.
Их видит тот, кто старше сорока.

Владимир Буев

Наука молча принимает факт,
Что семь небес в апокрифах живёт.
А то и десять – компромиссный пакт
Не заключён. В фантазиях – полёт.
Кругов ещё у ада тоже семь.
А может, девять, кто ж там вёл подсчёт!

Ну, разве Данте то ли стратегем,
А то ль мифологем провёл учёт.
Черновиков неприхотливых столь уже,
Что даже март (не только мир) готов
В них захлебнуться при демонтаже
Конструкций из осей и облаков.
Очередной зимы стальная ось
На полотне живом отоспалась,
А в марте у оси всё вкривь и вкось.
В том полотне зараза завелась?
Не старше сорока в твоих мечтах?
За пятьдесят давно – всё миллиард?
Игра на городах как башмаках
В холодный лес пристроит даже март.

Три сорта темноты познал я в жизни

Михаил Гундарин

Закроем глаза, чтобы лучше видеть
Серебристые облака,
Ползущие медленно, как в обиде,
К центру материка.

Пена космического прибоя,
Светящееся ничто,
Трансгалактического конвоя
Штопаное решето.

Или наоборот – посланья
Тем, кто всегда вдали,
Тяжёлые, кружевные зданья,
Поднявшиеся с Земли, –

Мелом струящимся расчертите
Нашу ночь на лету,
Пробросьте свои ледяные нити
Сквозь каждую темноту!

Владимир Буев

Три сорта темноты познал я в жизни:
Есть «всякая» кругом,
«Любая» тоже есть, но мною признан
Лишь сорт один хитом.

У темноты-хита свои симптомы:
Глаза зажмурив, видеть свет,
Смотреть с блаженством, как плывут фантомы,
Каких в реале нет.

Мелом расчерчен асфальт на квадраты¹⁰ –
Это послания Бога.
Но не дают их прочесть бюрократы
Под глупым предлогом.

Я в облаках, кружевных этих зданьях,
Плавать мастак.
«Каждая» – третьего сорта названье.
Третий – не брак.

¹⁰ Аллюзия и практически прямая цитата из песни «Папа у Васи силен в математике» из советского кинофильма «Где это видано» (автор слов – Мария Зверева).

Проникновение

Михаил Гундарин

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Посреди серьёзных дел
Что нам скажет коленвал?
«Если ты меня вертел,
То и я тебя пинал»
Обезумевший на треть,
Запиши в свою тетрадь:
«Если будете вертеть,
Нам придётся вас пинать».
Все окольные пути
Приведут в родимый край!
Вот тогда и поверти,
Вот тогда и попинай!

Владимир Буев

ПРОНИКНОВЕНИЕ

Коленвал молчит всегда.
Коль не смазан, то скрипит.
Работяга – хоть куда:
Вертит-крутит и кружит.

Посреди серьёзных дел
Не найти уже тетрадь:
То десктопом пальцы грел,
То айфон пришлось держать.
Коленвалов бойся ты,
Коль в родимый край зайдёшь:
Не кранты, но все мечты
В срамоте ты обретёшь.
Попинали бы – крутяк:
Не окольный путь – прямой!
Да сходи уже в кабак,
Всё когда-нибудь впервой...

Я гляжу в стакан

Михаил Гундарин

В РЕСТОРАНЕ

Никотин заполняет вершушки лёгких,
И они темнеют, как на картине
Художника Х. закатные горы,
Словно сопки на Сахалине.

Я там не был. Я не был нигде, но море
Настигало сердце везде и всюду.
Даже в здешнем полуночном разговоре
Я его ощущал отрицаньем чуда.

Всё равно нагонит меня, нагонит,
Всё равно обманет меня, обманет,
И не важно уже, на каком перроне,
За какую дверью, в каком стакане.

Моя мера не та, что несёт в бутылке
Гладко выбритый малый в дешёвом фраке,
Не во взгляде его, не в его улыбке.
Она там, в подступающем с моря мраке.

Владимир Буев

Я гляжу в стакан, там единственный друг мой¹¹.
Но картинно мой рот не лает «In vino...»,
Мозг мой «...veritas» помнит – словес трёх сумме
Покоряются тонны никотина.

Если автора мысли сделать проще,
То стакан коррелирует с сигаретой.
А художник Икс или Худридо́щев
В ресторан тоже ходит не для обеда.

Не во взгляде его, не в его улыбке,
И не в мимике всех официантов
Алкоголиков мера по ошибке
(Как у кроликов взор) живёт в мутантах.

Вот меж пьяными веет официантка.
Ну, так это ж совсем другое дело!
Незнакомка по виду дебютантка
И без спутников. Вовремя подоспела.

В её взоре поверья – мать Божья! –
Так античны, как и шелка её древни.

¹¹ Стихотворение Михаила Гундарина пародийно обыграно с использованием приёмов скрытого и искажённого цитирования блоковской «Незнакомки».

Меня в море несёт по бездорожью.
Незнакомка в вуали? Из деревни?

Берег дальний зовёт, рукою машет.
Вот уж скоро моря меня догонят.
По колено мне море. Перья пляшут.
Привидения или без шляп фасонят?

Позовёт меня море в даль, обманет.
Очарованный берег – что перроны.
И глухие секреты живут в стакане.
Все излучины чьей души застонут?

Ну, конечно, моей, вино ведь терпко.
Да и солнце сегодня в руки рвётся,
...Вся в бездонных очах вдруг синь померкла,
Но ура! Мне опять бутыль несётся.

Столько всего я хотел!

Михаил Гундарин

СЕНТЯБРЬ

Список соблазнов иссяк.

Время лелеет пустоты.

Я по арбузу стучу – что отзывается в нём?

Бард полупьяный поёт,

мол, воротимся с охоты,

Вместе затопим камин, вместе потом и уснём.

Эти дела не по мне! Я не охотник сегодня

До бестолковой стрельбы

И безбоязненных дам.

Кухонный демон, молчи!

Цыц, безголосая сводня!

Гулкий разрежу арбуз и никому не отдам.

Это невинности час

Бьёт на сентябрьских курантах.

Кто остаётся один, тот и останется, но

Не на чужом торжестве,

а при своих бриллиантах,

Спелый арбуз доедать, корки швыряя в окно.

Выдохлись летние дни,
скисли июльские вина,
Трезвый, как ангел, Эрот
свой зачехлил инструмент.
Скоро придут холода –
клин, вышибаемый клином,
Права гулять одному, не одиночеством, нет.

Тяжек взаимности груз! Я выбираю свободу!
Вместе со мною леса сбросят тяжёлую сеть.
Буду бродить не спеша, пить кипячёную воду,
В гости ходить по утрам, чтобы к обеду успеть!

Владимир Буев

Столько всего я хотел!
Толку же – смачная фи́га.
Полый арбуз я купил – сразу не раскусил,
Что изнутри он гнилой.
Жуть, как хотелось блицкрига.
Печку теперь растопить даже у спичек нет сил.

Как же теперь заманить даму крутую до брода.
Я ведь её не мочить
И не стрелять возжелал.

Баста другим подражать!
Дьявол во мне, замолчи!
Век бы не знаться с уродом.
...Гниль из арбуза течёт. Скушать иль обождать?

Был я невинным сто раз.
Может, и двести, и триста.
Вот я и снова такой. Только один. Но при мне
Полый арбуз возлежит
Мёртвым безмолвным статистом.
Съесть я смогу эту гниль только при полной луне.

Выдох. Зажмурю глаза.
Гниль невзначай надкушу.
Резво заправлю в штаны
Туники римской концы.
Печка не греет совсем.
Снова вкушу. Подышу.
Полная вот и луна, а на арбузе – рубцы.

Холодно. Гниль не еда. Быть не хочу одиноким.
Надо бы в гости сходить, чтобы согреться вдвоём.
Чтобы приличной едой туго набить обе щёки.
Чтоб тут потом каждый день стол мне готов был, и дом.

Просто о сложном

Михаил Гундарин

ЭЛЕМЕНТАРНАЯ БАЛЛАДА

снежинка парит порхает
невидимая она
а крылышки распускает
так делается видна
под невидимым градом
она осколок его
над этим городом-гадом
жрущим себя самого.
лети моя царь-снежинка
вдоль изгибов живых
ты ничья половинка
не нужно тебе других
залетай ты в пивную
где двое старых друзей
с утра тоскуют-толкуют
как бы им половчей
Из сердца выскрести серебро, серебро,
Поставить мир на ребро,
выиграть на зеро.
в халатиках их подруги

сидят ничего не тая
сегодня их центрифуги
выжали тонны белья
которое надо гладить
раскладывать по шкафам
единого пятнышка ради
порошка изведя килограмм
а квартиры-то маломерки
одиночки ещё тесней
купленных без примерки
туфель или туфлей
Не одна да во поле дорожка,
Но одна во стакане ложка,
Подождём же ещё немножко
их матери и их дети
ругаются каждый день
одним скучно жить на свете
других заела мигрень
они молодые годы
свои провели кое-как
позади колхозы-заводы
впереди угасанье-мрак
Это молодость старость жжёт, жжёт,
Никому вздохнуть не даёт,
Ждёт, кто скорей помрёт.
Неверное отражение

Города меж небес,
Мелькнувшего на мгновенье,
(А этот – остался здесь)!
Но ты – история мира,
А миру не запретишь
Быть как глоток эфира,
Как серебряный стриж,
Или змеёй свернуться,
Или зажечь огонь,
Снежинкою обернуться,
Падая на ладонь!

Владимир Буев

ПРОСТО О СЛОЖНОМ

глаза закачу закрою
и в грёзы свои впаду
останусь самым собою
имея всегда в виду
что в городе обитаю
который меня сожрал
на встречу опять шагаю
я слово снежинке дал
дыханьем своим согрею
без рук обойдась (не бухой)
чуток перед ней робею

а вдруг она станет водой?
остались два шага простые
но я не дошёл – тут бар
друзья там сидят бухие
и мне стоит выпустить пар
Бумажник свой выскрести от медяков,
В жизни таков я – вот каков!
И я не Петров
девиц тут однако море
снежинкам они не чета
одна в головном уборе
на всех остальных – ни черта
с утра все устроили стирку
не в мокром же в баре торчать
с друзьями моими впритирку
сидят... словно бар им – кровать.
вот туфли они снимают
(а может не туфли – туфли!)
знать ласки моей желают
и помнят как вместе мы жгли
В мире много проложено шляхов,
Мой один, ведь я не был монахом
Я всегда был парнишей с размахом.
опять на кривой дорожке
стою на девиц гляжу
ах что за чудесные крошки

стоящим... я в баре сижу.
девчонки немало страдали:
сегодня мигрень а вчера
колхозы-заводы мешали
добраться им до серебра.
заводов не стало и толку?
могли бы красотки зажить
но каждой теперь волонтёркой
приходится с дядькой дружить.
Эх страсть разжигает и жжёт, и жжёт,
И телу хозяина спать не даёт.
Знать тело моё сотню лет проживёт.
напился пора расходиться
мигаю красоткам: вперёд
кончайте сейчас же телиться
со мною мгновенье замрёт.
голубки, не стоит стесняться
своих отражений во мне
я зеркало, вам ли метаться
вы зрите себя в серебре
но зеро от девок вниманья
к снежинке по старой тропе
не примет она покаянья
сам стану снежинкой себе...

Глухая провинция

Михаил Гундарин

ОКРАИНА

1.

Здесь царство бабочек и семечек –
на улице правобережной.

Скажи держите меня семеро
и эти семеро удержат.

Поёт баян над палисадником
я жил как все, и это промах.

Навеки спешившимся всадником
мучительнейшая из черёмух
над тихой речкой молча клонится
(а-ля Аскольдова могила).

Когда здесь проходила конница?

Да никогда не проходила.

2.

А мы ходили были молоды
вовсю гуляли переулками
потом дошли до центра города
и тем покончили с прогулками
Не то чтобы и здесь развалины

иной живёт по-новорусски
но всё-таки не сталь – окалина
сезон усушки и утруски
Я тут проездом время позднее
а может быть совсем остаться
упасть в бурьян попасть на звёздное
кино как было в 18

3.

Запить без повода, по-прежнему,
ведь в этом месте всё как прежде
Весна застроена коттеджами –
но покоятся и коттеджи.
Металл сгниёт, кирпич рассыплется,
как парикмахер в комплиментах,
любовь нальётся или выльется,
запутается в акцентах

Что ж не запить – вот вино-водочный
как встарь под шиферною крышей
вокруг народ с душой полуночный
я эти песни с детства слышал

4.

«Как жить на свете одинокому
да без работы и без денег
что дни что ночи одинаковы
ободраны как банный веник
А бабы что по всем понятиям

идут пусть на хрен вправду сказано
Дык я б нашёл себе занятие
но запаadlo жить как указано
Пошли братан помянем кореша
у нас тут всякий пьёт что молится.
Да не, он вон, покуда жив ишшо
но выпьет за твоё здоровьице»

5.

Закат прошит чужими нитями
вся жизнь вся улица чужая
Глаза закрою ноги вытяну
как будто бы в тоннель въезжаю
и вот уже лечу над бездною
во власти полупьяной дрожи
тоска дорожная железная
конечно же, и это тоже.
Лечу над лужами киосками
сквозь непрощённую обиду
закат забит кривыми досками...

Но разгорится, где я выйду.

Владимир Буев

ГЛУХАЯ ПРОВИНЦИЯ

1.

Кривых зеркал там место давнее.
Не место даже – королевство.
Там правят короли зеркальные.
С плохим столкнёшься там соседством.
Хоть закричишь, затопчут семеро,
баяном грохнут по макушке.
Не промахнутся – своевременно
подставлю я им черепушку.
Зачем зашёл я на окраину?
Черёмух запаха вдохнуть чтоб,
поностаьгировать в развалинах
и юности вкусить озноб?

2.

Гляжу вокруг, и сердце мается.
Судьба накренилась наш речкою.
Истоки наши тут скрываются
(вся летопись сквозит утечками):
Аскольд тут хаживал с дружиною,
он правил даже Барнаулами¹² –
он княжил с Диром пред кончиною
не только в Киеве с аулами.
Местами, глянь-ка, новорусичи
из древних плит времён этрусков
дворцов (пусть это и безвкусица)
настроили по-новорусски.

¹² Место, где Михаил написал оригинальное стихотворение.

3.

Опять в бурьян взгляд упирается:
то ли намёк, где буду спать я,
то ль на могилу намекается,
где оба князя мне – как братья.
Кино, вы говорите? Сказочки?
В вину мне ставите: бухой я?
Да это ваши всё отмазочки!
Я не прошу у вас постоя.
Здесь королевство зазеркальное
все из меня повыжмет соки,
как детство полупривокзальное,
откуда я беру истоки.

4.

Ах, шкафчик мой родной и столик!
Не устою и поцелую!
В обломках шифера найду ли
шкаф¹³ (уважаемый до коллик)?
Вот песня слышится гортанная.
По речке бечевой бурлаки¹⁴

¹³ Аллюзия к чеховскому «Вишнёвому саду»:– «...Любовь Андреевна. Я не могу усидеть, не в состоянии... (Вскакивает и ходит в сильном волнении.) Я не переживу этой радости... Смейтесь надо мной, я глупая... Шкафик мой родной... (Целует шкаф.) Столик мой...»– «...Гаев. Да... Это вещь... (Ощупав шкаф.) Дорогой, многоуважаемый шкаф! Приветствую твое существование...»

¹⁴ Аллюзия к строкам Некрасова из «Размышлений у парадного подъезда». У Некрасова в оригинальном произведении ударение в слове «бурлаки» именно на

идут безденежные, драные,
судьбе покорны, как собаки?
Им баб сейчас, однако, хочется
и вновь нажраться, как скотине,
потом подраться – заморочиться
меня набить по образине.

5.

Закат прошит косыми стёжками
над знатною рекой алтайской.
Пора б отсюда топать ножками,
пока побит лишь мало-мальски.
Но поздно.... Вот лечу над бездною,
и мои стоны песням близки.
Угла не вижу затрапезного,
где б не стонал мужик российский.
В цепях железных, по острогам,
в полях бескрайних, по дорогам¹⁵ –
кругом фанерой над Парижами
лететь в закат овцой остриженной.

2020–2022 годы

второй слог: «...То бурлаки идут бечевою!..»

¹⁵ Аллюзия к строкам Некрасова из «Размышлений у парадного подъезда»: «...Этот стон у нас песней зовётся... Я такого угла не видал, Где бы сеятель твой и хранитель, Где бы русский мужик не стонал? Стонет он по полям, по дорогам, Стонет он по тюрьмам, по острогам, В рудниках, на железной цепи...»